

U 298

109

55.48
p. 80.

2246
75

~~W~~
~~XV~~
~~327~~

298
109

355.48
J. 80

Въ доляхъ

и

на высяхъ Болгаріи.

Съ приложеніемъ записки Генераль-Маіора М. Д. Скобелева Есаулу 30-го Казачьяго полка А. Грузинову.

Воспоминанія бывшаго командира № 30-го Донскаго казачьяго полка

М. ГРЕКОВА.

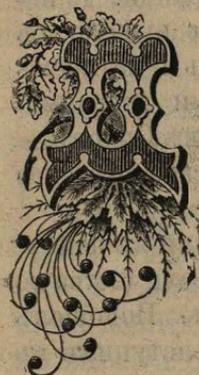
ЗАБЛЮДЕНО
1878

Дозволено цензурой. С.-Петербургъ. 8 Марта 1900 г.

2007335187

АБЫ не ввести читателей въ заблужденіе, нахожу не лишнимъ предупредить, что эти Воспоминанія были написаны мною для самого себя, но по совѣту одного моего добраго боеваго товарища, я рѣшился ихъ напечатать въ надеждѣ, что современемъ и они, быть можетъ, пригодятся въ смыслѣ нѣкоторой иллюстраціи въ массѣ серьезнаго матеріала для будущаго историка войны 1877—78 годовъ. Поэтому заранѣе прошу снисхожденія къ литературной, то есть стилистической сторонѣ моихъ Записокъ.

Все, о чемъ мнѣ теперь предстоитъ вести рѣчь, записывалось въ свое время кое-какъ, на скорую руку или верхомъ на конѣ, или на бивуакѣ, на мохнатой буркѣ, лежа на животѣ послѣ утомительнаго перехода или сраженія.

Но прежде чѣмъ начать разсказъ о моемъ боевомъ времени, я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о своемъ прошломъ.

Съ 1869 года, будучи въ отставкѣ, я проживалъ въ своемъ помѣстьѣ на Дону, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ, но и за это время не переставалъ любить военную службу. Бывало вечеромъ, усталый отъ дневныхъ хозяйственныхъ трудовъ, сидишь себѣ въ своемъ деревенскомъ кабинетѣ; задумавшись, посмотришь на стѣну, гдѣ висятъ портретныя группы всѣхъ моихъ полковыхъ и школьныхъ товарищей, и сильно подъ часъ взгрустнется о прежней полковой жизни. А на утро, какъ и вчера, опять все та же толкотня съ рабочими, изъ которой ничего не выходитъ.

Такое состояніе мое продолжалось до ноября мѣсяца 1876 года, когда я пріѣхалъ въ станицу Каменскую, проводить своего стараго добраго товарища, полковника Д. И.

Орлова, который выступалъ съ казачьимъ № 30-го полкомъ въ дѣйствующую армію. Я пріѣхалъ къ самой посадкѣ полка въ вагонъ. Тутъ сразу сказала мнѣ бывалая, знакомая жизнь всею своею привлекательною, заманчивою стороною. И напало на меня грустное раздумье: отчего я не вмѣстѣ съ ними? Вѣроятно оно достаточно ясно отразилось и на моемъ лицѣ, потому что было замѣчено отъѣзжающими друзьями.

— Что ты такой грустный? — обратился ко мнѣ Орловъ. — Да и чего ты сидишь въ деревнѣ? Снимай-ка свое штатское платье, да надѣвай мундиръ.

Подошелъ добрый дѣдушка Кудинцовъ, бывшій въ лейбъ-казачьемъ полку вахмистромъ эскадрона Его Величества во время моего командованія этимъ эскадрономъ. Подошелъ онъ тоже съ душевнымъ совѣтомъ и дти. Приступилъ съ такою же просьбой милый Леля Поздѣвъ, всегда живой и веселый. При всѣхъ этихъ сманиваніяхъ и совѣтахъ во мнѣ началась борьба: и идти-то хочется, да и семью-то жалъ — старую мать, жену съ маленькими дѣтьми... Но все-таки отвѣтилъ я друзьямъ, что поѣду посоветуюсь съ семьей, — она тогда въ Новочеркаскѣ жила, — и если рѣшусь, то буду телеграфировать Орлову. На томъ и порѣшили.

По пріѣздѣ въ Новочеркасскъ, когда я сказалъ женѣ о своемъ желаніи, — разумѣется слезы; но послѣ долгихъ убѣжденій она согласилась, что лучше идти, и взяла на себя трудъ вести безъ меня наше хозяйство.

Подаль я надлежащимъ образомъ прошеніе на Высочайшее имя и телеграфирую къ Орлову, прося его похлопотать о зачисленіи меня въ его 30-й Донской полкъ. Просьбу мою онъ доложилъ въ Кишиневѣ Великому Князю Главнокомандующему, на что и было получено милостивое его согласіе, и такъ какъ Его Высочество зналъ меня лично, то и приказалъ послать телеграмму наказному атаману съ выраженіемъ своего соизволенія на зачисленіе меня въ полкъ № 30-го.

Долго длилось мое опредѣленіе на службу; все у меня было уже готово къ походу: и лошади, и обмундировка, а ожиданіе безъ дѣла ужасно томительно. Наконецъ, въ мартѣ мѣсяцѣ состоялся Высочайшій приказъ, и въ первыхъ числахъ апрѣля я выѣхалъ въ дѣйствующую армію.

По приѣздѣ въ Кишиневъ я явился къ походному атаману генераль-лейтенанту Өомину, который меня встрѣтилъ очень радушно и далъ указаніе какъ и куда отправиться въ полкъ № 30, стоявшій въ то время въ деревнѣ Дизгонджи, приказавъ мнѣ предварительно отправленія въ полкъ явиться къ Главнокомандующему.

На другой день я поѣхалъ представиться Великому Князю Главнокомандующему и былъ весьма милостиво принятъ и обласканъ Его Высочествомъ, соизволившимъ вспомнить при разговорѣ со мной мою прежнюю службу.

Откланявшись Его Высочеству, я въ тотъ же день собрался въ дорогу. Погода была отвратительная, дождь лилъ ливмя, грязь невылазная. Къ счастью, казакамъ было разрѣшено носить бурки; поэтому я поспѣшилъ купить себѣ эту въ высшей степени практичную верхнюю одежду. Совсѣмъ уже собрался было я садиться въ перекладную бричку, какъ вдругъ подходитъ ко мнѣ молоденькій офицеръ въ кубанской казачьей формѣ и рекомендуетъ: „хорунжій Кубанскаго полка Мѣняевъ, въ одной съ вами дивизіи; тоже ѣду въ полкъ“; приѣзжалъ зачѣмъ-то въ Кишиневъ—не помню; „намъ ѣхать по дорогѣ. Ѣдемте вмѣстѣ“. Я очень обрадовался, тѣмъ болѣе, что онъ въ этихъ мѣстахъ уже успѣлъ освоиться и съ жизнію, и со службой, все знаетъ. Это оказался прекраснѣйшій молодой человекъ, съ воинственною осанкой, живой, говорунъ. Впослѣдствіи я слышалъ, что онъ былъ раненъ при взятіи Ловчи.

Несмотря на отвратительную дорогу, мы доѣхали до штаба дивизіи въ селеніи Гура-Галбина вполне благополучно. Тутъ явился я къ начальнику дивизіи, генераль-лейтенанту Дмитрію Ивановичу Скобелеву 1-му, и затѣмъ продолжалъ свое путешествіе къ полку уже съ сотникомъ нашего 30-го полка Василиемъ Васильевичемъ Кудинцовымъ, который всю дорогу знакомилъ меня съ характеромъ и отношеніями предстоящей мнѣ службы. Но вотъ наконецъ и конечная цѣль моего путешествія, селеніе Дизгонджи. Деревня эта, какъ и всѣ бессарабскія деревни, раскинулась и разбросалась своими мазанками-хатками безъ всякой симметричности; вьющаяся топкая рѣченка дѣлитъ ее на двѣ половины; по срединѣ селенія возвышается каменная церковь;

поселяне живутъ довольно зажиточно. Бессарабскія деревни своею разбросанностью напоминаютъ мнѣ наши казачьи хутора. У казаковъ страсть строить дома другъ отъ друга подалше, что, впрочемъ, безопасно на случай пожара.

Только что мы въѣхали въ деревню, какъ вотъ и квартира моего полкового командира Д. И. Орлова, которую указалъ мнѣ В. В. Кудинцовъ, да глядь—и самъ Орловъ идетъ къ намъ на встрѣчу. Дружески обнялъ онъ меня и потащилъ къ себѣ, гдѣ уже былъ накрытъ столъ для всѣхъ офицеровъ, которые вскорѣ начали сюда сходиться къ обѣду. Съ тѣми изъ нихъ, кого не знавалъ я прежде, тотчасъ же познакомился, какъ новый ихъ товарищъ, и большая часть изъ нихъ обошлась со мною ласково, въ особенности молодежь, а нѣкоторые пытливо разсматривали меня. Орловъ тутъ же приказалъ мнѣ принять 4-ю сотню знаменную, и пригласилъ занять квартиру совмѣстно съ нимъ, да и на будущее время всегда становиться съ нимъ же, за что я ему былъ очень благодаренъ.

Не успѣли офицеры разойтись, какъ приѣхалъ казакъ отъ начальника нашей дивизіи съ приказаніемъ Орлову явиться немедленно. Велѣно было сѣдлать лошадь, и не больше какъ чрезъ четверть часа Орловъ уже поскакалъ. 11-го апрѣля онъ возвратился и объявилъ намъ, что завтра выступать къ границѣ. На утро, 12-го апрѣля, раздались звуки генераль-марша, сыграннаго цѣлымъ хоромъ нашихъ музыкантовъ. Какъ-то жутко почувствовалъ себя каждый и съ усердіемъ прочелъ молитву и, садясь въ сѣдло, съ любовью похлопалъ своего будущаго неразлучнаго боеваго товарища-коня. Что-то будетъ, кому-то придется вернуться!.. Весь полкъ собрался за деревней въ ожиданіи полкового командира. Вотъ и онъ тихо ѣдетъ по фронту, здороваается съ каждой сотней и поздравляетъ съ походомъ за границу. Раздалась команда: „полкъ направо, пѣсенники впередъ!“ и мы тронулись на деревню Ченакъ, гдѣ предстояло соединиться съ Кавказскою бригадой, при коей находился и самъ начальникъ дивизіи. При выѣздѣ изъ этой послѣдней деревни на полугорьѣ уже ожидало насъ духовенство съ образами, чтобъ отслужить намъ напутственный молебенъ; но Кубанцы немного опоздали, такъ что намъ пришлось здѣсь

нѣсколько подождать; но вотъ кто-то крикнулъ „ѣдутъ“, и на противоположномъ склонѣ горы мы увидѣли небольшую кучку всадниковъ, впереди которой просторнымъ шагомъ, на буланомъ кабардинцѣ, ѣхалъ почтенный Д. И. Скобелевъ 1-й въ своей боевой и вмѣстѣ съ тѣмъ щегольской черкескѣ. За нимъ слѣдовалъ командиръ Кавказской бригады полковникъ Тутолминъ (нынѣ генераль-майоръ и георгіевскій кавалеръ), всегда привѣтливый, любезный и неистощимо занимательный какъ въ серьезной, такъ и веселой бесѣдѣ. Иванъ Ѳедоровичъ Тутолминъ съ первыхъ же дней своего назначенія на его должность пріобрѣлъ себѣ общую нашу симпатію и уваженіе. Неоднократно, бывало, на походѣ выскивалъ я случая къ нему подѣхать и поговорить, а больше послушать его разговоръ, въ которомъ нерѣдко проявлялись его разнообразныя и основательныя познанія. За передовою группою всадниковъ показалась голова колонны и, наконецъ, какъ змѣя, вся колонна потянулась по спуску внизъ къ ручью. Изрѣдка какой-нибудь джигитъ отдѣлится отъ своей сотни, проскачетъ въ сторону шаговъ десять, быстро осадитъ коня—и назадъ, къ фронту, причемъ, разумѣется, два-три раза хлопнетъ плетью по лошади, какъ бы въ наказаніе, зачѣмъ-де досадливый конь спотыкается,—и безъ того неловко сидѣтъ на навьюченномъ сѣдлѣ; позади колонны слѣдовали двухколесныя арбы весьма своеобразнаго устройства—это ихъ обозъ. Съ правой стороны отъ насъ выплывало изъ-за холмовъ великолѣпное весеннее солнце; оно и грѣло, и радовало какъ бы въ прощальный привѣтъ съ родиной. Какъ только Кавказцы подошли къ намъ, ихъ построили глаголемъ, и началось молебствіе, при коемъ хоръ пѣвчихъ составилъ изъ пяти-шести офицеровъ нашего полка. Благословляя полки крестомъ, священникъ пошелъ по рядамъ и окропилъ святою водою всадниковъ. Затѣмъ дивизія тронулась въ дальнѣйшую дорогу.

Сразу были высланы боковые дозоры, хотя мы и не переступали еще границу. По моему мнѣнію, такъ слѣдуетъ дѣлать всегда, чтобы пріучить людей и начальниковъ къ осторожности и чуткой внимательности. Высылка боковыхъ разъѣздовъ сейчасъ же сама-собою дала почувствовать каждому изъ насъ, что къ этому походу слѣдуетъ относиться

болѣе серьезно. Это уже, думалось, не обыкновенное передвиженіе съ однихъ квартиръ на другія.

— Не хочешь ли, Грековъ, закусить?—слышу сзади голосъ моего товарища, полковника Сергѣя Васильевича Иловайскаго.

— Не откажусь!

Изъ сѣдельныхъ кабуръ, никогда не бывавшихъ пустыми у хлѣбосола Иловайскаго, вытаскивается водка и закуска, а этотъ глотокъ водки и кусокъ колбасы съ хлѣбомъ бываетъ въ походѣ особенно вкусенъ и куда какъ пріятенъ! По дорогѣ къ намъ присоединилась казачья № 1-го Донская батарея съ лихимъ своимъ командиромъ, маіоромъ Костинымъ.

Вотъ и пограничный кордонъ, предстоящій намъ въ видѣ двухъ или трехъ каменныхъ и довольно чистенькихъ снаружи сараевъ. Здѣсь выѣхалъ на встрѣчу офицеръ пограничной стражи въ полной формѣ, чтобы пропустить отрядъ и явиться къ генералу. Вотъ и самая граница, идущая вдоль по руслу балки, и у самой межи форменная будка, возлѣ которой стоялъ часовой, взявшій ружье на караулъ при приближеніи головы отряда. Скобелевъ съ адъютантами и ординарцами, переѣхавъ границу, остановился и пропустилъ весь отрядъ, причемъ пожелалъ ему съ честью отслужить службу и благополучно опять перейти границу обратно. Громкое ура огласило пустынную мѣстность. Казаки, по своему отъ предковъ переходящему обычаю, встали съ лошадей, помолились на востокъ, поцѣловали землю и взяли по горсти ея въ тряпицы, которыя повѣсили себѣ на грудь вмѣстѣ съ крестомъ и образомъ, — это, говорятъ, когда убьютъ или умрешь, то эту самую землю слѣдуетъ бросить въ могилу, потому своя, родная она.

И вотъ, перейдя границу, начали мы то и дѣло перегонять нескончаемые полковые обозы пѣхоты и понтонные парки, которые, несмотря на свои великолѣпныя лошади, представляли грустное зрѣлище вслѣдствіе ужасной грязи и глинистаго грунта. Тяжелыя и понтонныя повозки сидѣли въ густой и липкой кашѣ по самыя колесныя ступки; люди выбивались изъ силъ, хлопоча около нихъ, кричали и немилосердно стегали лошадей, ради того, чтобы подвинуться на

нѣсколько шаговъ впередъ и опять завязнуть на неопредѣленное время, а нѣкоторые солдатики расположились даже какую-то похлебку себѣ варить въ ожиданіи посланнаго въ ближайшую деревню за волами. Невольно думалось, что такая же участь постигнетъ и нашъ обозъ; и что мы тогда будемъ дѣлать на почлегѣ безъ своихъ чемодановъ? Но для людей бывалыхъ эти опасенія за чемоданы доказывали только, что мы совсѣмъ еще новички и вовсе не знакомы съ настоящею, „заправскою“ боевою жизнью: въ послѣдствіи частенько приходилось лежать въ грязи по цѣлымъ ночамъ, даже и не помышляя о чемоданахъ.

Впереди открывались вдали синеватая горы, говорятъ, Карпаты. Выбравшись на возвышенность, мы увидѣли и мѣстечко Леово, на половину жидовское, на половину румынское. Когда подъѣхали ближе, насъ встрѣтилъ квартиррьеръ, сотникъ Кудинцовъ, и передалъ, что румыны квартирй не даютъ, и весь отрядъ станетъ бивуакомъ за мѣстечкомъ. Погода хорошая, палатки есть; стоять ничего себѣ. Но къ вечеру начало заволакивать небо клочковатыми тучами, а ночью хлынулъ дождь, да такой сильный, что въ палаткѣ Орлова, гдѣ спалъ и я, оказалась цѣлая лужа. На насъ было мокро все до послѣдней нитки, и такая-то погода продолжалась два дня, пока мы стояли въ Леово. Лошади сгорбились, съежились, трясутся.

Но вотъ говорятъ, что на утро дальнѣйшій походъ. Слава Богу, все лучше идти, нежели стоять подъ дождемъ. Кубанская бригада пошла въ авангардъ; прошли двѣнадцать верстъ; кто-то изъ бывшихъ впереди сказалъ, что до переправы черезъ Прутъ предстоитъ переправиться черезъ притокъ Прута, въ которомъ вода теперь очень высока. И дѣйствительно, когда подошли поближе, нашимъ глазамъ представилась непривлекательная картина: раздѣтые до сорочки артиллеристы помогали лошадямъ вытаскивать орудія изъ страшной тины. Но когда началъ переѣзжать нашъ обозъ, то наши до того уже усердно старались помогать лошадямъ своимъ крикомъ, что многіе не на шутку поохрипли и даже лишились голоса. И какъ досадно: какая-нибудь повозка дотащится до середины рѣчки—и стала. Пытаются повернуть ее то правѣе, то лѣвѣе; смотритъ—хрясть дышло: нужно раздѣ-

ваться и лѣзть въ воду починять поломку. Но несмотря на всѣ подобныя препятствія, нашъ отрядъ къ двумъ часамъ дня переправился. А впереди предстоитъ еще одна переправа черезъ Прутъ по лугамъ, залитымъ весенней водой. Но эту послѣднюю переправу мы преодолѣли, говоря относительно, еще довольно легко; затрудненіе встрѣтилось только въ томъ, что на переправѣ у Фальчи находился единственный несчастный паромишка, такъ что полкъ переправлялся на немъ всю ночь, и стало быть, всю ночь не пришлось заснуть ни одному человѣку. Едва лишь къ десяти часамъ утра удалось намъ окончить эту переправу, послѣ чего дали намъ трехчасовой отдыхъ и затѣмъ двинули далѣе. Тутъ-то мы впервые познакомились близко съ офицерами Кубанскаго полка, которые позвали меня къ себѣ обѣдать. Подхожу къ ихъ бивуаку и слышу великолѣпный хоръ пѣсенниковъ, съ большимъ барабаномъ, и два офицера стоятъ въ кружкѣ; оказалось, что потому-то и стройно поютъ, что эти офицеры сами запѣваютъ и управляютъ хоромъ. „Иды сюда обидать“! слышу раздающійся изъ палатки голосъ командира Кубанскаго полка Кухаренко, извѣстнаго по своей кавказской боевой службѣ. Чистый хохоль и говорить на своемъ родномъ нарѣчьи: милая личность. „Що-жь гарно мои спиваютъ“? Я похвалилъ, потому что нельзя но похвалить,—они хорошо пѣли. Занялся разговоромъ; каждый рассказывалъ вчерашніе случаи при переправѣ. Вдругъ слышимъ трубачъ трубить „слушай“ и сборъ. Не хотѣлось уходить отъ хорошей компаніи; но сегодня я дежурный, а слѣдовательно мнѣ нужно быть первому готовымъ. Пока дошелъ я до своего бивуака, мой слуга, хохоль Карпо, держалъ уже бураго Турчина; тутъ я еще въ первый разъ сѣдился на него; конь оказался очень кроткій и весьма сильный. Вотъ и начальникъ отряда ѣдетъ со штабомъ; поздоровавшись съ полками, онъ поѣхалъ впередъ, за нимъ пошли наши казаки, такъ какъ на сей день была очередь нашему полку идти въ авангардѣ. Здѣсь уже другія мѣста. Мы шли по какой-то волнистой мѣстности; съ лѣвой стороны долина Прута, а даль—синяя, синяя. По неизвѣстной мѣстности, безъ проводника, мы сбились съ дороги, но сейчасъ же казаки, посланные къ румынскимъ поселянамъ, работавшимъ близь дороги, узнали куда повернула

наша дорга. Вотъ уже и сумерки, а ночлега нашего все нѣтъ какъ нѣтъ. Я, какъ дежурный по отряду, поскакалъ съ казакомъ впередъ, развѣдать на этотъ счетъ что-нибудь определенное. Темная, сѣрая весенняя ночь въ безмолвной мѣстности; только раздается топотъ копытъ нашихъ двухъ коней. Турчинъ заводилъ ушами и заржалъ. „Кто ѣдетъ“? окликнули насъ. „Казаки“, былъ нашъ отвѣтъ. „А кто спрашиваетъ“?—„Казаки“.—„Вы что здѣсь дѣлаете“? Они, вѣроятно, узнали меня по голосу. „Мы, значитъ, ваше высокоблагородіе, квартирьеры, и насъ послалъ ихъ благородіе на дорогѣ стоять, чтобъ отрядъ не прошелъ. Деревня въ сторонѣ и до нея еще двѣ версты“. Пока я съ ними говорилъ, подошелъ и отрядъ. Генераль Скобелевъ спрашиваетъ гдѣ бивуакъ. „Еще двѣ версты въ сторону“, поспѣшилъ я его успокоить. Старикъ махнулъ на своего коня-кабардинца и поѣхалъ за мной; но видно было, что онъ сильно усталъ, да и было отъ чего: если не считать привала, мы въ этотъ день сдѣлали 65 верстъ. Ночью все кажется фантастичнымъ, громаднымъ, почти ужаснымъ; когда мы стали спускаться къ деревнѣ, гдѣ наши заняли бивуакъ, намъ показалось, что мы валимся въ какую-то бездонную пропасть. Но вотъ появились огоньки въ окнахъ. Это была деревня Водени. На квартирахъ стали только отрядный, бригадный и полковые, а мы всѣ бивуакомъ. „Хоть бы чаю согрѣть, дѣдушка“! „Пошли за водой“, отвѣчалъ Кудинцовъ.—„Б-р-р-р! Я бы съ удовольствіемъ теперь напился горячаго чаю“, отозвался кто-то изъ-подъ бурки.—„А-а! Это ты, Поздѣвъ“?—„Я... и озябъ, и усталъ,—все время конь горячился.“

— Дежурнаго по отряду къ командиру полка!—крикнули на бивуакѣ.

Прихожу. Тепленькій домикъ, на столѣ варенныя яйца, самоваръ и бутылка коньяку. Сидятъ Орловъ и Кухаренко. Въ одно слово: „садись, ѣшь и пей“, пригласили они меня. Я поблагодарилъ, усѣлся и съ аппетитомъ закусилъ. „Ну, теперь иди, да чтобы на бивуакѣ все было спокойно“. Но пока я возвратился, усталый отрядъ уже спалъ, исключая часовыхъ, которые до тѣхъ поръ не пропускали меня, пока не увѣрились, что я свой.

Зашелъ я къ своимъ лошадямъ: лежатъ бѣдняжки; по

Бѣльчикъ сейчасъ же вскочилъ и протянулъ свою горбоносую морду, чтобъ обнюхать я ли это, всхрипнулъ, потянулся и началъ ѣсть сѣно. Развязавъ изъ тороковъ свою бурку, я закутался и легъ около какого-то офицера на кучу сѣна.

Какое звѣздное небо! задумался я, глядя на него. Вспомнился домъ, теплая комната, хорошая мягкая постель. Э-э! Что Богъ дастъ! Я повернулся, запахнувъ еще больше верхнюю полу бурки и осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ, а черезъ нѣсколько минутъ уже спалъ крѣпкимъ сномъ.

На утро, въ 6 часовъ, отрядъ уже поднимался, и въ 8 часовъ тронулся дальше. Спустились съ горъ и пошли долиной Прута. Направо горы, налево—сплошные виноградники, а за нами бѣлая полоса извилистаго Прута. Черезъ два ночлега показался предъ нами городъ Галацъ, первый румынскій городъ, а потому и весьма для насъ интересный. Вступили мы въ него съ музыкой, съ пѣсенниками, и воображали, что мы первые, но оказалось, что здѣсь уже много пѣхоты и два казачьи полка, 29-й и 40-й.

Попросились поѣхать осмотрѣть городъ, гдѣ однако не нашли никакой разницы съ нашими городами. Заѣхали пообѣдать въ гостинницу, гдѣ уже много сидѣло русскихъ офицеровъ, а въ углу, на маленькомъ возвышеніи, пѣли какія-то истрепанная артистки, которыхъ никакія бѣдлы и румяны не могли измѣнить къ лучшему. Въ Галацѣ у насъ было двѣ дневки, и затѣмъ пошли дальше, перегоняя по дорогѣ большаго калибра осадныя орудія. „Гляди, станичникъ: вотъ такъ пушки!“ слышны голоса во фронтѣ.

Опять рѣка какая-то, Сереть, говорятъ. И опять переправа на паромѣ, не лучше Фальчинскаго, благодаря чему поневолѣ пришлось заночевать на другомъ берегу Серета, а на утро двинулись въ Браиловъ, куда долженъ былъ пріѣхать Его Высочество Главнокомандующій смотрѣть проходящія войска. Моя сотня шла въ авангардѣ, такъ что стала первою на указанномъ квартирьеромъ мѣстѣ, а другіе казаки пока еще подходили; вдругъ слышимъ мы какое-то ужасное шипѣніе надъ своими головами... пронеслось, лопнуло гдѣ-то сзади и засвистѣло во все стороны. Въ первыя мгновенія каждый изъ насъ въ недоумѣннй слушалъ молча, и только по минованнн роковаго момента пошли взаимные вопросы; что, моль, это

такое? Оказалось, что турецкій мониторъ подошелъ къ Браилову и началъ бомбардировать городъ. Вотъ и другая граната шишитъ у насъ на лѣвомъ флангѣ... упала, но не разорвалась; пошли смотрѣть: громадный снарядъ въ видѣ сахарной головы.

Вдругъ слышится извѣщеніе, что Главнокомандующій ѣдетъ, и раздается команда „смирно“! Всѣ побѣжали на свои мѣста. Вскорѣ Великій Князь подошелъ къ фронту, поздоровался, пожелалъ благополучнаго продолженія похода и отправился садиться на ожидавшій его поѣздъ, чтобъ ѣхать обратно въ Кишиневъ, въ главную квартиру; мы же тѣмъ часомъ поспѣшили къ своимъ лошадямъ, желая конвоировать, насколько возможно, поѣздъ Его Высочества.

Хорошую картину представлялъ этотъ несущійся экстренный поѣздъ, по бокамъ коего казачьи офицеры и урядники неслись въ маршъ-маршъ. Были лошади, которыя, не отставая отъ локомотива, проскакали съ поѣздомъ болѣе двухъ верстъ. Но вѣроятно Великому Князю жаль стало нашихъ коней: онъ показался въ окнѣ своего вагона и далъ намъ знакъ отстановиться. Послѣдствіемъ увлеченія бѣшенною скачкой для нѣкоторыхъ изъ насъ была необходимость вести на бивуакъ своихъ лошадей въ поводу.

На другой день дальнѣйшій походъ. Шли мы почти рядомъ съ желѣзной дорогой и ночлегъ оказался около вокзала. Великолѣпная долина, посрединѣ ея—озеро.

Наши разбили палатки. Здѣсь мнѣ встрѣтилась надобность написать женѣ письмо, содержаніе котораго было для моего семейства довольно важно, но впоследствии оказалось, что жена его не получала, равно какъ и многихъ другихъ моихъ писемъ, не дошедшихъ по назначенію благодаря неисправности нашей полевой почты. Кое-какъ я примостился на полѣ бурки, чтобъ отъ земли бумага не отсырѣла. Дѣдушка Кудинцовъ сбоку хлопочетъ надъ чаемъ, а съ другой стороны Поздѣвъ завернулся въ бурку и задумался, потягивая изъ коротенькой трубочки; за палатками позвякиваютъ треногами наши кони, какъ будто подвигаясь ближе къ намъ: вѣроятно, слышали овесъ, который насыпали въ горбы. На утро опять идти дальше. Памятенъ мнѣ этотъ день: повели моихъ лошадей на водопой и упустили; поска-

кали казаки догонять, но спустя нѣсколько времени нѣкоторые изъ нихъ возвратились ни съ чѣмъ. Что же мнѣ теперь? Хоть пѣшкомъ идти за полкомъ. Спасибо мой добрый товарищъ Орловъ выручилъ: далъ мнѣ одну изъ своихъ лошадей.

Наконецъ, Букарештъ, столица Румыніи. Городъ, дѣйствительно, большой, стремящейся изо всѣхъ силъ усвоить себѣ вѣшность, похожую на Европу; даже конножелѣзная дорога проведена по нѣкоторымъ улицамъ. Бивуакъ отряда расположился за городомъ, и поэтому мы, въ числѣ нѣсколькихъ офицеровъ, отпросились въ городъ пообѣдать и осмотрѣть достопримѣчательности, буде таковыя окажутся, и представьте наше удивленіе, когда извощикъ загорилъ съ нами по русски! Оказалось, что въ Букарештъ много нашихъ раскольниковъ, которые считаются лучшими извощиками въ городѣ. Мы было рассчитывали, что здѣсь намъ дана будетъ дневка, что, сказать кстати, было бы и очень недурно,—городъ хорошій, можно кое-чѣмъ запасть, кое-что удобно посправить, но надежды наши не сбылись: на утро мы опять пошли окольными улицами по пригороду и совсѣмъ уже загородомъ, на шоссе, гдѣ насъ осмотрѣлъ на походѣ князь Румынскій. При подъемѣ со слѣдующей станціи на возвышенность, предъ нами открылись вдали синія горы, и кто-то замѣтилъ, что это правый берегъ Дуная. Съ какимъ нетерпѣливымъ любопытствомъ всматривались мы въ эту даль! Хотѣлось поскорѣе увидѣть тотъ знаменитый Дунай, гдѣ наши дѣды и отцы дрались съ тѣми же самыми турками, съ которыми и намъ предстоитъ вскорѣ помѣряться силами.

— Смир-но!—послышалась команда. Что это значить, на походѣ? Ради чего это? Но наше недоумѣніе тутъ же разъяснилось: съ нами встрѣтился румынскій кавалерійскій дивизионъ, слѣвавшій намъ военный салютъ, и наше начальство, соблюдая извѣстнаго рода воинскую вѣжливость, въ свою очередь, отвѣтило ему тѣмъ же, какъ военный военному. Спустя нѣкоторое время послѣ этой встрѣчи, отрядъ нашъ свернулъ съ шоссе немного влѣво, къ деревнѣ Доицы, гдѣ остановился бивуакомъ. Эта мѣстность такъ высока, что намъ были видны и ширь Дуная, съ его правымъ берегомъ, и крѣпость Руцукъ, за которою замѣчались по

горамъ разбросанные турецкіе лагеря, казавшіеся намъ бѣлыми квадратиками. Сколь прелестно картиненъ былъ Дунай въ то время (время разлива) съ зелеными островами! Вонъ вдаль показался дымокъ, который тянется совершенно параллельно чертѣ воды, это идетъ мониторъ. Впослѣдствіи намъ часто приходилось видѣть на Дунаѣ такіе же дымы такихъ же мониторовъ. Здѣсь привели ко мнѣ моихъ лошадей, которыхъ, слава Богу, нашли и я продалъ ихъ: бѣлаго Михаилу Дмитріевичу Скобелеву, а Турчика Орлову; себѣ же купилъ простаго донца, крѣпкаго и выносливаго. На этомъ бивуакѣ къ намъ подошелъ полубаталіонъ пластуновъ. Что за дивная пѣхота, да притомъ и совершенно своеобразная; даже самое обмундированіе ея примѣнено къ роду службы: папахъ, черкеска, кинжалъ за поясомъ, чувяки вмѣсто сапоговъ, бурка, сумка холщевая вмѣсто ранца и стрѣлковая берданка. Мы скоро перезнакомились съ ними, какъ со своими земляками-сосѣдями, и въ тотъ же вечеръ уже лежали на травѣ въ одномъ кругу, пили чай и слушали великолѣпныхъ пластунскихъ пѣсенниковъ и отъ души смѣялись веселымъ добрымъ смѣхомъ, глядя на ихъ своеобразныя, полныя добродушнаго комизма игры. Здѣсь намъ пришлось простоять дня четыре; дежурили посмѣнно, сотнями, на своихъ постахъ по берегу Дуная; слѣдили, чтобы турки не вздумали на лодкахъ переѣхать на нашъ берегъ. А такъ какъ вода на Дунаѣ начала спадать, то получено было приказаніе полковнику Орлову съ четырьмя сотнями и полубаталіономъ пластуновъ переправиться черезъ заливы и стать на самомъ берегу Дуная, въ пунктѣ, извѣстномъ подъ названіемъ Малорушь.

Интересно было это передвиженіе, при которомъ намъ приходилось въ иныхъ мѣстахъ просто плыть на лошадахъ, но еще интереснѣе казалось то, что мы теперь подвигаемся почти въ непосредственное соприкосновеніе съ непріателемъ.

Пикетъ Малорушь просто ничтожная избушка, около которой мы поставили вышку, по образцу строившихся во время оно на нашей Кавказской военной линіи. Сзади, въ двалцати саженьяхъ, находится большая выемка земли, гдѣ поставили палатку полковника Орлова; тутъ же около нея расположились пластуны, а казачьи сотни стали бивуакомъ со своимъ полковымъ обозомъ саженьяхъ въ пятидесяти позади.

Сейчасъ же приступили къ копанію ровиковъ по самому берегу Дуная для ночной цѣпи. Хорошо жилось намъ недѣли три въ этомъ мѣстѣ. Не подалеку обиталъ какой-то рыболовъ, и казаки, свободные отъ дѣла, нерѣдко брали у него неводъ и въ изобиліи ловили рыбу. Купанье великолѣпное; Журжево просто рукой подать, такъ что если ощущается въ чемъ нужда, то отпросишься и поѣдешь въ городъ просто верхомъ, какъ на прогулку. Здѣсь мы уже настолько успокоились, или, лучше сказать, привыкли къ мѣстности, осмотрѣлись, что, въ виду довольно легкой сторожевой службы, приступили къ ученіямъ пѣшепо-конному. Такъ, помню, однажды полковнику Орлову нездоровилось и потому онъ приказалъ мнѣ сдѣлать ученіе, а наутро осмотрѣть ковку лошадей во всѣхъ сотняхъ. Разумѣется, приказаніе командира было исполнено въ точности. Помню какъ сейчасъ, въ этотъ день было хорошее, тихое утро. За горами, по ту сторону Дуная, показалось зарево восходящаго солнца. Сотни выстроились въ сотенной колоннѣ правымъ флангомъ къ Дунаю; казаки въ шинеляхъ держали разсѣдланныхъ лошадей въ поводу, и едва успѣлъ я осмотрѣть ковку двухъ трехъ сотенъ, какъ говорятъ: „командиръ идетъ“, не вытерпѣлъ значить, не смотря на нездоровье. Пришелъ Давидъ Ивановичъ и началъ самъ смотрѣть ковку; много сердился, распекалъ и сотенныхъ командировъ, и казаковъ, я же сталъ на свое мѣсто и, слыша теперь распеканія своихъ прежнихъ товарищей по поводу неудачъ ихъковки, захлопоталъ о томъ, чтобы мои люди обчищали лошадей и примачивали гривки. Къ чему все сіе продѣлывалось мною, не могу и теперь сказать опредѣлительно: смотреть подковы, а я вдругъ о примочкѣ гривокъ забочусь! И вотъ въ это-то время, когда всё вполнѣ были поглощены дѣломъ смотря, вдругъ слышимъ мы какое-то шипѣніе, какъ будто непонятное, а въ то же время какъ будто и знакомое отчасти. И вотъ на правомъ флангѣ, въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ насъ, что-то шлепнулось въ землю, словно въ тѣсто, — сейчасъ же оглушительный взрывъ, и зазвенѣли осколки... Поняли, что это граната, и потому многіе съ непривычки присѣли, какъ будто это присѣданье и въ самомъ дѣлѣ могло чѣмъ-нибудь помочь послѣ взрыва, а иные все недоумѣвая смотрѣли нѣсколько секундъ другъ на друга, словно бы спрашивали

что это и откуда? И не мудрено: всё мы, пока еще были новичками въ дѣлѣ войны и военныхъ ощущеній. Первымъ однако очнулся Орловъ и приказалъ отступить за заливы, чтобъ отойти изъ-подъ выстрѣловъ, которые тѣмъ временемъ все чаще и чаще стали ложиться въ районъ расположенія нашего полка. Здѣсь поднялась вдругъ суматоха ужасная, нѣкоторые перебѣжали черезъ заливы яко по суху; кто спиналъ палатки, кто обозъ запрягалъ, кто хваталъ свое оружіе и имущество. Такъ, одинъ казакъ хотѣлъ взять свои шаровары, распластанные по землѣ для просушки, но нашель ихъ свернутыми въ комокъ; оказалось, что въ нихъ замотался и запутался непріятельскій снарядъ; казакъ отскочилъ, взялъ пику и осторожно началъ разворачивать шаровары, чтобъ избавить ихъ отъ непрошенной гостыи.

— Вѣдь ишь ты куда ее занесло! Гляди-ка, станишники!

— Брось! неравно еще лопнетъ!—предостерегаютъ его товарищи.

— Ахъ, братцы! и радъ бы бросить, да шаровары-то новые; другихъ чай и за весь походъ за Дунаемъ не достанешь!

И освободилъ-таки свои шаровары.

Въ это время вправо, въ направленіи отъ Журжева, показалось вдали густое облако пыли, вѣроятно ѣхалъ кто-нибудь изъ начальства. Мнѣ, какъ дежурному, надлежало встрѣтить. Подскакиваю ближе, Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ. Я отрапортовалъ.

— А гдѣ же полкъ?—спросилъ онъ.

— Приказано отступить, ваше превосходительство,—отвѣчалъ я,— такъ какъ выстрѣлы были направленыъ прямо на бивуакъ.

— А пластуны гдѣ?

— Они вышли и заняли свои мѣста по берегу Дуная.

Во время нашего разговора одна изъ гранатъ разорвалась довольно близко отъ Скобелева. Мой бурый шархнулъ въ сторону. Скобелевъ посмотрѣлъ на мѣсто, гдѣ разорвалась граната, и едва замѣтная улыбка мелькнула на его губахъ. Онъ поѣхалъ дальше тихимъ шагомъ, направляясь къ пластунамъ, гдѣ въ это время саперы дѣлали фашины

и туры. Эти-то саперныя работы, какъ въ послѣдствіи рассказывали сами турки, и заставили противника открыть по насъ стрѣльбу, въ томъ предположеніи, что ужь не думаетъ ли наша армія совершить теперь въ этомъ мѣстѣ свою переправу. Скобелевъ сейчасъ же послалъ за взводомъ 10-й Донской батареи, которая находилась въ то время въ Журжевѣ. Два орудія хотя и не замедлили прилетѣть маршмаршемъ, но увы! ихъ легковѣсные снаряды оказались не въ состояніи состязаться съ дальнобойными турецкими пушками. Саперы, подъ командой своего молодого офицера, подпоручика Романова, несмотря на непріятельскіе снаряды, мѣтко попадавшіе въ ихъ работы, очень скоро построили маленькую батарею. При этомъ не могу умолчать объ одномъ характеристическомъ случаѣ, который поразилъ меня, какъ примѣръ исполненія нашимъ воиномъ своего служебнаго долга. Нѣсколько гранатъ упало около денежнаго ящика пластунскаго полубаталіона, настолько близко, что взрывъ каждой изъ нихъ обдаваль часоваго комьями земли и камнями, но онъ, бѣдняга, только жался ближе къ ящику, сжимая въ рукѣ свою неразлучную берданку, да двинулъ больше на глаза мохнатую папаху, словно бы опасаясь, чтобъ ее не унесло съ головы. Къ вечеру выстрѣлы затихли, но на слѣдующее утро съ 9 часовъ непріятель опять началъ осыпая насъ снарядами, и хотя продолжалъ свою стрѣльбу нѣсколько часовъ сряду, тѣмъ не менѣе не причинилъ намъ никакого вреда, если не считать нѣсколькихъ пикъ, перебитыхъ въ пирамидахъ, и нѣсколькихъ пробитыхъ палатокъ, да, кромѣ того, одинъ изъ осколковъ попалъ въ нашъ полковой лазаретный фургонъ; люди же и лошади остались невредимы.

Пошла опять наша жизнь обыкновеннымъ порядкомъ, только на ночь усиливали по берегу пѣшую цѣпь и конные пикеты съ разъѣздами.

Прошло нѣсколько дней. Къ намъ пріѣхали гости, корреспонденты русскихъ газетъ: гг. Немировичъ-Данченко, Федоровъ, Каразинъ и еще кто-то, не помню, попросили устроить шашлыкъ. Великолѣпный былъ вечеръ, тихій, звѣздный. Войсковой старшина Грузиновъ взялся распоряд-

жаться жареньемъ шашлыка. Это старый кавказецъ, сослуживецъ Якова Петровича Бакланова, всегда серьезный и дѣльный сотенный командиръ, подъ огнемъ спокойно-храбрый офицеръ, любимый казаками и товарищами. Принесли сухихъ дровъ, и благодаря ихъ сухости, костеръ вышелъ весьма яркъ; его зарево освѣщало группу лежащихъ офицеровъ съ командиромъ полка и гостями, пріѣхавшими къ намъ. Пошли разказы, шутки, остроты, смѣхъ, и кто-то запѣлъ; къ этому голосу присоединились другіе, и такимъ образомъ неожиданно составился довольно стройный хоръ. Между тѣмъ, Грузиновъ уже началъ спускать съ нѣкоторыхъ вертеловъ готовое мясо, какъ вдругъ, пріостановившись, спокойно сказалъ намъ: „выстрѣль“. Вскорѣ затѣмъ все мы ясно слышали другой, третій и потомъ нѣсколько выстрѣловъ сразу. Значить не шутка. Подняли тревогу, крикнули къ конямъ, а шашлыкъ забыли. Дежурныя сотни въ десять минутъ были уже готовы, и самъ командиръ повелъ ихъ къ Дунаю. Черезъ полчаса перестрѣлка уже разыгралась вполнѣ, но къ полуночи все опять затихло. Оказалось, что турецкія лодки подъѣзжали къ нашему берегу, а казакъ въ сторожевой цѣпи сдѣлалъ по нимъ выстрѣлъ. Вѣроятно турки хотѣли испытать, насколько мы усвоили себѣ предосторожности сторожевой службы. При этомъ досаднѣе всего было то, что нашъ великолѣпнѣйшій шашлыкъ застылъ, т. е. пропалъ; тогда какъ, судя по внимательно озабоченной фізіономіи Грузинова во время жаренія, можно было предполагать, что онъ смастеритъ намъ превкусное походное кушанье.

Вскорѣ послѣ этого вечера насъ смѣнили другія воинскія части, а намъ приказано двигаться вверхъ по Дунаю, но ради чего—мы не знали, и при этомъ велѣно дѣлать переходы не иначе какъ ночью; дневное же время употреблять на отдыхъ.

На вторую ночь послѣ выступленія изъ Малоруша, мы соединились съ нашими товарищами Кавказской бригады, а на третью пришли въ деревню Бею, гдѣ опять встрѣтились съ пластунами и сейчасъ же получили отъ нихъ приглашеніе на закуску, гдѣ застали большую компанію офицеровъ

разныхъ родовъ оружія, которые намъ сообщили по секрету, что всѣ они сейчасъ идутъ въ составъ своихъ частей на переправу, подъ общую команду начальника 14-й пѣхотной дивизіи генераль-майора Драгомирова, причемъ въ короткихъ словахъ передали и содержаніе его знаменитаго приказа. Такъ какъ мы сильно устали съ похода, то, пожелавъ имъ благополучной переправы, отправились къ себѣ на бивуакъ. На утро площадь уже очистилась отъ нѣкоторыхъ полковъ. Вечеромъ же было получено приказаніе выступать и нашему полку, опять вмѣстѣ съ Кавказскою бригадой. Впереди были слышны пушечные выстрѣлы. Это наши переправляются. Сколько-то убитыхъ и раненыхъ, и кто? Немудрено, что у многихъ изъ насъ сверлила въ головѣ эта жуткая мысль, такъ какъ большая часть изъ насъ еще въ первый разъ въ жизни вступала въ сферу дѣйствій, называемую войной.

Ближе стали подходить къ Зимницѣ: начали встрѣчаться и лазаретные фургоны. А впереди пыль ужасная—не только что ничего не видно, но даже и дышать-то трудно. Около Зимницы насъ остановили на ночлегъ, а на утро двинули на переправу. Самаго мѣстечка Зимницы мы за пылью почти и не видѣли, но когда спустились на низменность къ Дунаю, то воздухъ нѣсколько прочистился. Пришлось переходить два моста черезъ затоны, прежде чѣмъ приблизиться къ самому Дунаю. Остановки долгія и чуть не ежеминутныя: люди и транспорты шли и изъ-за Дуная, и къ Дунаю, и всѣ, казалось, куда-то спѣшили. А вотъ и пять человекъ плѣнныхъ турокъ гонять. Какіе они жалкіе, оборванные! Въ этотъ день, однако, насъ черезъ Дунай не переправили, такъ какъ переправа была еще занята передовымъ отрядомъ, да и мостъ еще не былъ готовъ въ полной мѣрѣ.

Два дня спустя пріѣхалъ къ намъ Его Высочество Николай Максимиліановичъ Лейхтенбергскій посмотрѣть полкъ, который теперь поступалъ подъ его начальство въ составъ особой бригады, сведенной изъ полковъ нашего, Кіевского гусарскаго и 10-й Донской батареи полковника Солунскаго. Князь остался доволенъ 30-мъ полкомъ, и сообщил Орлову, что наша переправа совершится завтра утромъ. Дѣйстви-

тельно, на другой день мы двинулись къ мосту, гдѣ однако же пришлось простоять довольно долго, и потому, ради сокращенія времени ожиданія и для разсѣянія скуки, наши пѣсенники запѣли разудалыя казачьи пѣсни. Переправа подъ убійственной жарой, на открытомъ солннопекѣ, тянулась нестерпимо долго: справа рядами по пять лошадей дистанціи въ поводу,—представьте же, на какое разстояніе пришлось полку растянуться! Приказано было, по мѣрѣ того, какъ сотни будутъ переходить на противоположный берегъ, сажать ихъ въ сѣдло и скорѣе выводить на обрывистыя возвышенности, потому что внизу подъ кручами стояла жара и духота невыносимая ни для людей, ни для животныхъ.

Когда я ступилъ на тотъ берегъ, до меня долетѣли сверху какія-то славянскія слова. Подымаю голову и вижу на самомъ краю страшнаго обрыва нѣсколько женскихъ фигуръ, покрытыхъ бѣлыми вуалями. Собрался полкъ и пошли мы по какимъ-то ярамъ, виноградникамъ, обрываюмъ. На каждомъ шагу приходилось только удивляться нашимъ вчерашнимъ передовымъ героямъ, которые, несмотря на преграду, представляемую одною изъ широчайшихъ въ Европѣ рѣкъ, съумѣли тоже съ бою взять эти неприступныя позиціи, при столь небольшой относительно потерѣ.

Пока мы втянулись въ Царевницкое ущелье, лежавшее на развѣтвленіи дорогъ Тырновской и Руцукской, намъ встрѣчалось много пѣхоты, артиллеріи и кавалеріи, идущихъ по разнымъ направленіямъ, и всѣ части торопились къ назначеннымъ для нихъ бивуакамъ, такъ какъ уже наступили сумерки. Тутъ характеръ мѣстности, сравнительно съ лѣвымъ дунайскимъ берегомъ, рѣзко измѣнился: высокіе холмы и глубокія долины, перерѣзывающіе все видимое пространство въ разныхъ направленіяхъ, быстрые потоки и почти на каждой верстѣ прекрасные фонтаны,—все это насъ занимало и интересовало, какъ невиданное, но знакомое заочно по рассказамъ нашихъ дѣдовъ, бывшихъ нѣкогда въ Турціи. Но тутъ вышли мы на высокую гору, съ которой открылась очень большая равнина, гдѣ мы догнали казачій № 23 полкъ полковника Бакланова, шедшій въ авангардѣ 8-го корпуса. Въ этомъ полку у насъ нашлось много знакомыхъ, встрѣча съ которыми, впрочемъ

была непродолжительна, такъ какъ данный намъ приваль продолжался не болѣе получаса. Не задолго до разсвѣта, дошли мы до деревни Овча-Могила и здѣсь остановились на ночлегъ, а въ 10 часовъ утра пошли дальше со всѣми предосторожностями: авангардомъ и боковыми дозорами. Моей сотнѣ пришла очередь быть въ правомъ боковомъ разѣздѣ, при чемъ у моихъ казачковъ не обошлось безъ тревоги. Увидѣли они, что не въ далекомъ разстояніи, правѣе насъ, „замаячило“ (казачье выраженіе — показалось) на курганѣ три человѣка, которые и скрылись; всѣ они были въ папахахъ и въ черкескахъ. Чтобы не беспокоить напрасно всю бригаду, я послалъ офицера съ десятью казаками убѣдиться въ точности донесенія. Оказалось, что правѣе насъ идетъ кавказская бригада и что отъ нея тоже посланы влѣво разѣзды, чтобы быть въ связи съ нами. Тутъ мы догадались, что, по всей вѣроятности, у насъ было пущено впередъ нѣсколько кавалерійскихъ бригадъ, чтобы освѣтить мѣстность для всей арміи. На этомъ же переходѣ пришлось убѣдиться въ тѣхъ трудностяхъ, которыя выпадаютъ на долю кавалерійской части, которая идетъ въ боковомъ разѣздѣ, въ особенности при гористой мѣстности. Напримѣръ, скрывается отрядъ между горами; вѣдешь на гору, смотришь, а отрядъ уже повернулъ влѣво, и такъ какъ боковому разѣзду всегда нужно быть на одной съ нимъ линіи, то сейчасъ же правымъ плечомъ и ускоренною рысью приходитея догонять его. При этомъ жара убійственная, каменистая мѣстность, кустарники, нерѣдко сплошной терновникъ или колючка, — мука и людямъ, мука и конямъ. А тутъ еще, подходя къ деревнѣ Градешницы, мнѣ прислали сказать изъ колонны, что я долженъ заѣхать въ деревню Слива, гдѣ, какъ рассказывали болгары, находятся баши-бузуки, которыхъ, впрочемъ, на дѣлѣ вовсе не оказалось. Такія штуки зачастую продѣлывали съ нами не въ мѣру опасливые братушки. Такимъ образомъ, проѣздившись нѣсколько лишнихъ верстъ, я съ сотней прибылъ на бивуакъ только въ девять часовъ вечера, усталый ужасно, да и лошади еле передвигали ноги; но за то заслужилъ личную благодарность Его Высочества князя Лейхтенбергскаго, который, какъ я уже сказалъ, состоялъ теперь нашимъ бригад-

нымъ начальникомъ. Здѣсь намъ была назначена дневка, такъ какъ лошади всего отряда изморились ужасно, а у кievскихъ гусаръ отъ жары даже пало на походѣ пять коней. Радуюсь дневкѣ, какъ возможности отдохнуть, мы расположились бивуакомъ на южномъ склонѣ довольно большой горы. Внизу широкая рѣчка Осма, на другомъ берегу опять горы всевозможныхъ формъ: тутъ и сахарныя головы, и какіе-то верблюжьи горбы, а дальше, еще выше, видны синія горы. Неужели Балканы? — „Нѣтъ“, отвѣчаютъ болгары: — „до Балканъ 25 часовъ“, то есть 125 верстъ. А интересуютъ они насъ: что это за великаны такіе? Итакъ, едва лишь мы расположились въ сладкой надеждѣ на суточный отдыхъ, какъ пришлось сейчасъ же убѣдиться, что на войнѣ не бываетъ опредѣленныхъ дневокъ. Въ девять часовъ на бивуакѣ поднялась суматоха; казаки сѣдлаютъ; велѣно идти 1-й, 2-й и 4-й сотнямъ и 1-му взводу 10-й батареи. Въ нѣсколько минутъ всѣ эти части были готовы, и маленькій отрядецъ двинулся рысью внизъ по долинѣ. Дорога довольно порядочная; по сторонамъ ея виноградники, вишни, абрикосы и персики; плоды вездѣ уже созрѣли, такъ что подѣдешь и нарвешь фруктовъ, да такихъ, которыхъ у насъ и за дорогую цѣну не вездѣ и не всегда достанешь. Послѣ пяти верстъ ходу предъ нами открылась довольно обширная равнина, орошаемая тою же самою Осмой, а не вдалекѣ открылась и деревня Муратъ-Бей, прекраснѣйшее и богатое селеніе, гдѣ мы въ бродѣ перешли рѣку и направились на деревню Михайлицы. Пройдя эту послѣднюю и поднявшись на возвышенность, нашъ отрядъ остановился, не знаю съ какою цѣлью. Въ это время подскакиваетъ къ намъ на взмыленной лошади драгунъ и говоритъ полковнику Орлову, что на драгунскій эскадронъ наступаютъ турецкая пѣхота, вслѣдствіе чего эскадронный командиръ проситъ помощи. Такъ какъ я первый попался на глаза, то Орловъ сію же минуту приказалъ мнѣ съ сотней скакать по указанному драгуномъ направленію.

Солнце палило немилосердно, и потому при быстротѣ нашего движенія у меня въ сотнѣ на всемъ маршѣ-маршѣ пала лошадь; это было тѣмъ досаднѣе, что вся эта тревога оказалась напрасною. Увидавъ впереди довольно высокую возвы-

шенность и на ней небольшую кучку людей, я послалъ туда сотника Поздѣева со взводомъ, а самъ съ остальными казаками поджидалъ у подошвы. Возвращается Поздѣевъ и говоритъ, что на горѣ стоитъ эскадронъ драгунъ и съ ними самъ его командиръ, который, на вопросъ Поздѣева гдѣ непріятель, прехладнокровно отвѣтилъ „не знаю“.

— Но вѣдь вы же прислали просить помощи?

— Да, я думалъ было, что это непріятель, а вмѣсто того оказалось просто жители изъ ближняго села.

Такимъ образомъ, благодаря „думанью“ драгунскаго майора, намъ пришлось по пустому проскакать 15 верстъ подъ палящею жарой, а несчастному казаку ни за что, ни про что лишиться своей единственной лошади.

Вернулся я въ Михайлицы уже вечеромъ, куда и наши сотни отступили для ночлега. Болгары намъ принесли жареныхъ куръ, яицъ и вина, хотя послѣднее было похоже на укусъ, но при нуждѣ на безрыбы, какъ говорится, и ракъ рыба, а въ особенности когда голодъ и жажда заявляютъ свои неотразимыя требованія.

Выставивъ для предосторожности пикеты, мы тутъ же за деревней расположились на травѣ, и пока казаки сварили намъ въ котелкахъ какую-то похлебку, у насъ шелъ живой разговоръ о нынѣшнемъ днѣ. Сейчасъ только ротмистръ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка (фамиліи не помню) привезъ новости, что генераль Гурко съ бою взялъ Тырново, и что намъ на утро приказано идти туда же. Выступившій съ разсвѣтомъ, нашъ отрядъ все больше и больше втягивался въ горы. Въ лежавшей на пути деревнѣ мы были встрѣчены болгарскимъ священникомъ со крестомъ и всѣми жителями; женщины бросали букеты.

За деревней намъ пришлось буквально карабкаться на очень крутую гору, и вдобавокъ еще совершать этотъ путь по какому-то узкому карнизу, такъ что солдаты и казаки называли это мѣсто „Чортовымъ подъемомъ“. Когда отрядъ перевалилъ черезъ эту возвышенность, предъ нами открылась великолѣпная небольшая долина, перерѣзанная маленькимъ ручьемъ, и турецкая деревня Балваны, населенная, какъ разсказывали болгары, самыми закоренѣлыми ихъ врагами,

изъ которыхъ многіе пошли въ баши-бузуки. На этомъ основаніи мы приняли больше предосторожностей, оцѣпили деревню, и вслѣдъ затѣмъ были посланы небольшія партіи пѣшихъ казаковъ съ офицерами осмотрѣть село и отобрать оружіе. Общее наблюденіе за всѣми этими командами было поручено мнѣ. Поѣхавъ туда вмѣстѣ съ сотникомъ Поздѣвымъ и четырьмя казаками, я при въѣздѣ въ деревню услышалъ шумъ, который усиливался по мѣрѣ нашего приближенія къ мечети. Оказалось, что всѣ жители села—мужчины, женщины и дѣти, собрались въ ея оградѣ. Женщины, по обычаю, группировались отдѣльно отъ мужчинъ.

Отъ страха ли, не знаю, но только женщины предъ нами не закрывались и, протягивая къ намъ руки, молили о пощадѣ, вѣроятно въ томъ предположеніи, что мы сейчасъ же начнемъ ихъ рубить. Трое старыхъ турокъ выдѣлились изъ толпы и, подойдя къ намъ, жаловались чрезъ переводчика на болгаръ, которые будто бы рѣжутъ ихъ семейства и жгутъ дома; при этомъ на ихъ фізіономіяхъ явно сказывалась сдержанная злоба, и ни одинъ мускуль не дрогнулъ инымъ, болѣе теплымъ чувствомъ, хотя они и рассказывали о несчастіи людей, самыхъ близкихъ ихъ сердцу. Турки помоложе тоже подошли ближе къ намъ и предложили табаку; мы, чтобы не обидѣть ихъ азійтской любезности, сдѣлали по папиросѣ и сказали, что сейчасъ же разслѣдуемъ дѣло, и если все это окажется правда, то безчинства будутъ прекращены.

Возвратившись, я все рассказалъ полковнику Орлову.

Жара была несносная и при этомъ ни малѣйшей тѣни, нѣтъ и палатокъ! Я растянулъ на пикахъ свою бурку, сдѣлалъ маленькій холодокъ и легъ было отдохнуть, какъ вдругъ послышались мнѣ какіе-то не то звонки, не то бубенчики; приподымаюсь и вижу на турецкомъ сѣдлѣ болгаринъ, и лошадка подъ нимъ, хотя и маленькая, но очень живая; у моей такъ сильно набита спина, что сѣдла нельзя класть. „Эй, братушка!“ остановилъ я его:—продай коня!“—Да купить, братушка!“—отвѣчаетъ.—„Кольки пари“?—„Три полъ“—значить, три полуимперіала. Не долго онъ заставилъ себя просить и уступилъ за одинъ золотой. Я очень былъ радъ: перемѣна моему бурому. Да еще какая живая лошадка оказалась

У этой деревни догнала насъ осталъная часть бригады, и послѣ маленькаго привала двинулись уже все вмѣстѣ по шоссе въ Тырново; но пройдя пять верстъ, нашъ полкъ свернулъ вправо, на деревню Пушево, откуда была послана 1-я сотня въ Габрово, подѣ командой есаула Грузинова, для развѣдки о Шипкинскомъ перевалѣ и о томъ, сколько тамъ турецкаго войска. Остальные пробыли здѣсь три дня и занимали пикеты по горамъ. Полковникъ Орловъ уѣхалъ въ городъ Тырново и оттуда прислалъ приказаніе—все мѣ идти туда же, а 3-й сотнѣ, подѣ командой есаула Антонова, остаться для наблюденія за дорогой. Пришли мы уже вечеромъ, подѣ дождемъ, который мочилъ насъ всю дорогу. Что это за живописная мѣстность! Городъ все разбросанъ по скаламъ; хороше онъ днемъ, если смотрѣть на него съ художественной стороны; но ночью, когда во все хъ окнахъ зажгутся безчисленные огоньки,—еще лучше! Тутъ вамъ кажется, что вы смотрите на великолѣпную иллюминацію какого-то громаднаго амфитеатра. За то самыя улицы возмутительно скверны; по самой широкой изъ нихъ только можетъ проѣхать одинъ экипажъ, а встрѣчному экипажу уже нѣтъ мѣста; приходится хоть распрягать его и оттаскивать назадъ за заднія колеса—иначе не развѣдешься. Въ Тырновѣ мы застали Орлова и Грузинова, который уже возвратился изъ Габрова. При этомъ поискѣ Грузиновъ настигъ на дорогѣ турецкаго телеграфиста, который успѣлъ однако же скрыться, бросивъ на произволъ судьбы бричку, пару лошадей, все телеграфный аппаратъ и разныя бумаги, что и было Грузиновымъ представлено въ Тырново. Изъ разговора съ Орловымъ я узналъ, что онъ собирается идти съ 1-ю и 2-ю сотнями съ какимъ-то очень важнымъ порученіемъ въ Габрово, и что въ этомъ случаѣ я долженъ оставаться при полку за старшаго. На другой день ожидали въ Тырново главную квартиру, и хотя мнѣ очень хотѣлось видѣть торжественный въездъ Главнокомандующаго въ городъ, но по разнымъ обстоятельствамъ не пришлось. Съ главной квартирой прибылъ и конвой, состоявшій изъ дивизіона лейбъ-гвардіи казачьяго полка, гдѣ еще были мои старыя товарищи. На второй день по прибытіи главной квартиры, ко мнѣ пришелъ казакъ и вручилъ при-

казаніе явиться въ главный полевой штабъ. Я одѣлся по формѣ и отправился, недоумѣвая—зачѣмъ бы это меня зовутъ.

Великій Князь размѣстился въ красивомъ, задичаломъ саду, въ палаткахъ, а его ближайшій штабъ въ небольшомъ домикѣ, по сосѣдству. Здѣсь я встрѣтилъ Михаила Дмитриевича Скобелева и еще какихъ-то трехъ незнакомыхъ мнѣ полковниковъ, которые, вѣроятно, явились за тѣмъ, чтобы представиться Главнокомандующему. Великій Князь еще не выходилъ изъ своей палатки, гдѣ въ это время велъ какой-то продолжительный разговоръ съ начальникомъ штаба, генераль-адъютантомъ Непокойчицкимъ.

Подходить ко мнѣ какой-то незнакомый мнѣ генераль и спрашиваетъ: „Вы полковникъ Грековъ“?—„Я, ваше превосходительство“, — отвѣчаю ему. — „Вы здѣсь завѣдуете оставшимися частями 30-го казачьяго полка“?—„Такъ точно, ваше превосходительство“. — „Почему же вы, зная, что главная квартира уже пришла, не явились“?—„Я этого не зналъ, ваше превосходительство, — виновать!“—„Очень жаль, что вы не знаете правиль“.

„Вотъ тебѣ и дождался главной квартиры“, думаю себѣ: „первый блинъ, да комомъ!“ Въ это время выходитъ изъ палатки Его Высочество и идетъ прямо ко мнѣ.

„Здорово, Грековъ!“ Я поклонился.—„А гдѣ Давидъ“?—„Онъ ушелъ съ двумя сотнями въ Габрово“. — „Ну, все равно, я знаю“. Въ это время къ Его Высочеству подошелъ Великій Князь Николай Николаевичъ Младшій. Главнокомандующій, указывая на меня, сказалъ ему: „Вотъ, Николай, съ тобой завтра пойдетъ мой старый сослуживецъ. А ты смотри, — добавилъ онъ обращаясь ко мнѣ, — будь молодцомъ!“—„Постараюсь, Ваше Императорское Высочество!“

Николай Николаевичъ Младшій подошелъ ко мнѣ, подаль руку и тутъ же приказалъ на завтра быть готовымъ къ семи часамъ утра.

Къ 6½ часовъ двѣ остальные сотни были уже выстроены, и къ намъ при этомъ присоединился Орловскій пѣхотный полкъ и пѣшія батареи. Подѣхалъ генераль-майоръ Дерожинскій, впоследствии убитый при защитѣ Шипки, добрый и очень симпатичный человекъ, а за нимъ скоро прибылъ

и Великій Князь Николай Николаевичъ Младшій, въ сопровожденіи полковника Струкова, капитана Ласковскаго и своего личнаго ординарца, лейбъ-гвардіи казачьяго полка корнета Янова.

Поздоровавшись съ отрядомъ и переговоривъ въ нѣсколькихъ словахъ съ генераломъ Дерожинскимъ, онъ приказалъ отряду трогаться. Высланъ былъ авангардъ и боковые дозоры со всеми предосторожностями, такъ какъ можно было ожидать нападенія съ каждымъ шагомъ.

Кто ѣздилъ изъ Тырнова въ Габрово по пути на Дреново, тому легко возобновить въ своей памяти эту живописную дорогу, которой картинные виды начинаются съ первыхъ же шаговъ, чуть только выѣдешь за городъ. Ущелье тянется версты полторы; направо—громаднѣйшая скала сплошнаго камня, нависшая надъ дорогой, такъ и кажется, что вотъ-вотъ упадетъ на голову, даже жутко становится; и по этой-то скалѣ растутъ деревья, но не вверхъ, а внизъ верхушками. Налѣво очень быстрая горная рѣка (Янтра), а за рѣкой сейчасъ же вздымаются каменные горы. Здѣсь между горами, кромѣ терновника, шиповника и иныхъ колючихъ кустарниковъ, растетъ еще какая-то колючая кустарниковидная трава, сильно затруднявшая иногда ходъ лошадей.

Въ Дреново мы пришли довольно рано: жители, узнавъ, что съ нами сынъ главнокомандующаго, встрѣчали насъ съ особеннымъ восторгомъ.

За городомъ отрядъ былъ остановленъ для занятія bivouака, по поводу чего Великій Князь очень хлопоталъ. Какъ оказалось, онъ былъ назначенъ начальникомъ штаба нашего отряда и, значить, на его обязанности лежало расположить части.

Я остановился недалеко отъ Великаго Князя, у самой рѣки. Только что слѣзли съ лошадей, какъ пришелъ казакъ и передалъ приказаніе явиться къ Великому Князю. „Отправьте вы, Грековъ, сейчасъ три разъѣзда: одинъ на деревню Адову, другой—по шоссе версть пять, а третій—на лѣво отъ шоссе“. Я сейчасъ же снарядилъ трехъ офицеровъ со взводами. Разъѣзды возвратились поздно и донесли, что все благополучно, и дѣйствительно, ночлегъ провели мы вполне спокойно, безъ малѣйшихъ приключеній, а на утро

отрядъ выступилъ пораньше обыкновеннаго, такъ какъ переходъ предстоялъ большой и по жарѣ, что очень тяжело было нашей пѣхотѣ.

До Царево-Лимана дошли мы еще холодкомъ, но отсюда опять начало палить солнце, а при этомъ дорога все въ гору, да въ гору. Хорошо еще, что воды было много, такъ какъ фонтаны попадаются черезъ каждыя три-пять верстъ и вода въ нихъ великолѣпная: чуть припустишь къ ней коня, онъ до того жадно пьетъ, что даже дрожить отъ наслажденія.

Когда мы въѣхали на одну изъ значительныхъ вершинъ, то Великій Князь остановился и сталъ въ бинокль осматривать мѣстность, но даже и простымъ глазомъ можно было замѣтить, что впереди, на высокихъ синихъ буграхъ, виднѣются въ нѣсколькихъ мѣстахъ бѣлыя пятна — то были турецкіе лагери, расположенные на перевалахъ.

Подходя къ Габрову, велѣно было обозъ остановить за рѣчкой, отряду же идти дальше. Передъ городомъ, на площади, мы увидѣли маленькій бивуакъ двухъ сотенъ нашего полка съ полковникомъ Орловымъ, который и самъ сейчасъ явился къ Великому Князю.

На другой день была выслана 2-я сотня, подъ командой сотника Галдина, на одну изъ самыхъ высокихъ точекъ Балканъ, гору Бедекъ, гдѣ, по донесенію лазутчиковъ - болгаръ, построено турецкое укрѣпленіе, защищаемое нѣсколькими таборами низама. Есауль Галдинъ, изъ самыхъ расторопныхъ офицеровъ нашего полка, съ пошибомъ и ухваткой старыхъ казаковъ, хитрый, осторожный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предприимчивый и смѣлый. Онъ самъ, съ нѣсколькими казаками, лазилъ ночью на горы, все высмотрѣлъ, „выщупалъ“, всѣ тропинки разузналъ и подмѣтилъ, когда турки что дѣлаютъ — пріѣхалъ и обо всемъ донесъ. Основываясь на его словахъ, были посланы къ нему двѣ роты Орловскаго полка, подъ общимъ начальствомъ генеральнаго штаба капитана Андреева, которому было приказано занять, если возможно, Бедекскій переваль.

На другой день мы получили радостную вѣсть, что Бедекъ занятъ нашими, причемъ нашъ Галдинъ первымъ вошелъ въ редутъ. Порадовались мы за товарища, которому

первымъ изъ насъ придется получить Георгіевскій крестъ, и который, можно сказать, совершилъ первое взятіе укрѣпленнаго пункта страшныхъ Балканъ. При этомъ у него были убиты вахмистръ и три казака и ранено 12 человекъ. Начальство предполагало, что можно ввезти на Бедекъ орудія, съ цѣлью укрѣпиться тамъ сильнѣе, для чего и посланы сейчасъ же два орудія изъ находившейся при насъ батареи, а въ прикрытіе къ нимъ — моя сотня. День былъ ужасно знойный, а намъ предстояло идти опять по шоссе на Царевъ-Лиманъ и на городъ Травну, за невозможностью прохода по прямому пути съ орудіями и ящиками. Еще солнце не ушло за горы, какъ мы уже были за Травной, вблизи Бедека. Каждый казакъ, каждый солдатъ, какъ будто не чувствуя усталости, спѣшилъ на помощь товарищамъ. Здѣсь съ нами встрѣтился транспортъ съ ранеными. Станичники подѣхали, поразспросили раненыхъ и перекрестились за упокой убитыхъ. И съ какою гордостью передавали имъ свои рассказы и смотрѣли на насъ раненые, какъ бы говоря намъ выраженіемъ своихъ лицъ: „ну, братцы, намъ то вотъ привелъ уже Богъ честно исполнить свой долгъ; теперь очередь за вами: подите - ка теперь вы себя покажите“! Но увы! Намъ здѣсь не пришлось послѣдовать примѣру своихъ товарищей, такъ какъ оказалось, что на горы никакъ нельзя втащить орудій; ночью было получено приказаніе возвратиться намъ обратно въ Габрово.

Не успѣлъ я слѣзть съ лошади, какъ меня позвали къ полковнику Орлову, который приказалъ мнѣ выбрать изъ сотни людей молодцоватѣе и отправиться съ урядникомъ 5-й сотни, Фетисовымъ, повѣрить сдѣланную имъ глазомѣрную съемку расположенія Шипкинскихъ укрѣпленій, лагерей и путей къ наступленію на Шипку. На утро я взялъ съ собой своего вахмистра Титова, ловкаго казака и еще десять рядовыхъ; со мной же поѣхалъ и командиръ взвода 10-й Донской батареи, сотникъ Азерскій, дабы узнать, гдѣ лучше расположить орудія, онъ тоже прихватилъ съ собой шесть своихъ казаковъ. Такъ какъ мы стояли по сю сторону Габрова, то я не зналъ мѣстности за этимъ городомъ, къ сторонѣ Шипки. Выѣзжая изъ города, приходится ѣхать все

время ущельемъ, гдѣ и не замѣтилъ я ничего особенно привлекательнаго для взора, исключая довольно живописнаго каменнаго моста вблизи горы, подъ названіемъ Зелено-Древо. Когда въѣзжаешь на этотъ высокій мостъ, то съ правой стороны является отвѣсная скала, которая, кажется, какъ будто плыветъ по рѣкѣ, а слѣва вода падаетъ съ шумомъ.

Проѣхавъ этотъ мостъ, мы повернули направо, на Зелено-Древо, и пробирались въ одинъ конь по возвышенности съ сѣверной стороны, такъ, чтобы не быть замѣченными изъ Шипкинскихъ укрѣпленій, которыя командуютъ всѣми окружающими горами.

Наконецъ Фетисовъ объявляетъ намъ, что дальше начинается главный кряжъ Балканъ, почему и нужно слѣзть съ лошадей и оставить ихъ при коновязяхъ, а самимъ уже постараться, по возможности, незамѣтно влѣзть на вершины пѣшкомъ: такъ и было сдѣлано. Но когда я вошелъ на вторую возвышенность, то до того усталъ, что съ непривычки почувствовалъ, будто меня душитъ что-то... А подобныхъ возвышенностей очень много. Фетисовъ остановилъ насъ и указалъ рукой направо, гдѣ мы увидѣли на одной высотѣ съ нами четыре большихъ лагеря и столько же непріятельскихъ укрѣпленій. Сравнивая расположеніе оныхъ съ планомъ, я нашелъ послѣдній настолько вѣрнымъ, что не смѣлъ ничего измѣнить въ немъ. Когда этотъ планъ былъ представленъ Главнокомандующему, то въ штабѣ удивлялись, что простой казакъ могъ исполнить его такъ хорошо и вѣрно, какъ дай Богъ каждому учившемуся офицеру. Поздно ночью возвратились мы въ Габрово, гдѣ командиры уже готовились ко взятію Шипки. Двинули было Орловскій полкъ, но одна его рота сбилась съ дороги и попала подъ перекрестный огонь, причемъ пострадала настолько сильно, что наши отступили, занявъ только передовыя возвышенности. Не забуду я при этомъ одного маленькаго эпизода: палатка наша была разбита неподалеку отъ знаменскаго пѣхотнаго караула. Это было вечеромъ, послѣ перваго Шипкинскаго боя. Вели мы разговоръ о сегодняшнемъ приступѣ. Часовой ходилъ, ходилъ, остановился и началъ прислушиваться; когда же дошелъ разговоръ до рукопашной, сердечный не вытерпѣлъ:

— И на мою долю, ваше высокоблагородіе, досталось-таки! — сказалъ онъ. — Насъ, значитъ, отбилась кучка отъ своихъ и наскочили мы нечаянно на турокъ; глядимъ, а турки вдругъ—пу бѣжать! Это отъ насъ-то, хоша ихъ гляди что втрое больше насъ было; какъ увидѣли мы, что бѣгутъ—давай сейчасъ за ними, да штыками почти всѣхъ и уложили, на мою долю, грѣхъ сказать больше, а пять человѣкъ досталось.—„Кравченко“! послышалось изъ-за денежнаго ящика:—„Кравченко? гдѣ стоишь“? — И караульный ефрейторъ напомнилъ часовому, что на часахъ разговаривать нельзя. Послѣдній замолчалъ и больше, разумѣется, не разговаривалъ. Намъ, однако, поправилось это: значить ефрейторъ понимаетъ, какъ должно, обязанности караульной службы.

Получено было извѣстіе, что на 15-е іюля предполагается опять штурмъ Шипкинскаго перевала, совмѣстно съ генераломъ Гурко, который съ юга изъ-за Балканъ отъ Казанлыка зашелъ въ тылъ Шипкинскимъ укрѣпленіямъ. Начальство надъ нашею (сѣверной) стороною вручено генералу Скобелеву 2-му. Самъ командиръ 8-го корпуса генераль-лейтенантъ Радецкій и съ нимъ Его Высочество Николай Николаевичъ Младшій ѣздили удостовѣриться въ силѣ непріятельской позиціи, а какъ Скобелеву потребовалась и кавалерія, то приказано взять изъ нашего полка, да впрочемъ кромѣ насъ не откуда было. Орловъ послалъ мою сотню, такъ какъ она одна была въ полномъ составѣ, и приказалъ идти какъ можно скорѣе. Полною рысью пошла моя сотня, и недалеко за городомъ встрѣтилъ я возвращавшихся генераловъ Радецкаго, Дерожинскаго и Великаго Князя Николая Николаевича Младшаго. Приказавъ догнать поскорѣе Скобелева, они всѣ пожелали мнѣ благополучно возвратиться. На второмъ или на третьемъ подъемѣ догналъ я пѣхоту, и здѣсь услышалъ разговоръ, что наши уже овладѣли редутомъ.

Въ первый разъ я на Кряжевыхъ Балканахъ. Какіе страшные подъемы, да еще при такой жарѣ!... Спасибо болгарамъ!... Ихъ тутъ было множество, со вьючными ослами, у которыхъ съ обѣихъ боковъ подвязаны длинные водоносные боченки. Кабы не они, хоть умирай отъ жажды! Когда, про-

ѣхавъ уже первый покинутый непріателемъ редуть, достигъ я до первой площадки перевала и сталъ подъѣзжать къ недостроеннымъ турецкимъ казармамъ, то увидѣлъ Скобелева, ѣдущаго отъ турецкаго лагеря, расположеннаго за казармами. Я явился къ нему и поздравилъ съ занятіемъ Шипки.

— Да, Грековъ, — отвѣчалъ онъ мнѣ, — намъ посчастливилось: турки сегодня на зарѣ очистили позицію и отступили по направленію къ Карлову, а вы сейчасъ же пошлите разъѣзды къ Карлову и на лѣвый нашъ флангъ.

Но вотъ на самой высокой точкѣ перевала, за лагеремъ, показалась большая масса всадниковъ и слышно было, что кто-то здороваается. Говорятъ генераль Гурко, и Скобелевъ сейчасъ же рысью поѣхалъ ему на встрѣчу. Хорошая была минута, когда два русскіе генерала поздравили другъ друга и обнялись на вершинѣ Балканъ. Подъѣхали мы къ телеграфному столбу, и съ чувствомъ боли и ужаса въ сердцѣ увидѣли сложенные около него вѣсемнадцатъ отрѣзанныхъ русскихъ головъ; одна изъ нихъ была голова есаула Баштанина, начальника пластуновъ, нашего хорошаго знакомаго. Дальше, въ котловинѣ, образуемой горами, лежала большая куча обезображенныхъ русскихъ тѣлъ. Бѣдные герои! Мало того что убиты, но еще и тѣла ихъ поруганы изувѣрами!...

Адъютантъ Главнокомандующаго, капитанъ Ласковскій, отправился на рекогносцировку съ однимъ изъ разъѣздовъ, которымъ командовалъ сотникъ Поздѣвъ, и возвратился около полуночи. Турокъ въ окрестностяхъ уже не было.

Однако, правду говорили болгары, что ночью у нихъ „студено“. Несмотря на июль мѣсяць, около полуночи такъ стало вдругъ холодно, что мы подъ бурками дрожали какъ въ лихорадкѣ и, конечно, не заснули бы, еслибы не изобиліе турецкихъ палатокъ, дававшихся въ наши руки, да невкусный супъ изъ курицы, сваренный для насъ казачкомъ. Гдѣ ужъ онъ досталъ курицу—Богъ вѣсть! На это наши станичники имѣють, такъ сказать, особенный нюхъ и способность. Но если нашлася курица, то увѣ! оказался у казаковъ недостатокъ въ сѣнѣ: какое было въ торокахъ, лошади уже поѣли, а новаго достать негдѣ. Однако, съ разрѣшенія генерала

Скобелева, я послалъ въ турецкій лагерь за галетами, которыхъ нашлось тамъ великое множество, и такимъ образомъ наши лошади всю ночь грызли твердыя пшеничныя лепешки. На утро приказано было двигаться за Балканы, въ долину Тунджи, или такъ называемую долину Розъ. Спустившись съ первой возвышенности, мы увидѣли пластуновъ, въ надвинутыхъ на брови папахъ и съ поникшими на берданки головами. Я подъѣхалъ къ нимъ, поздоровался, и увидѣлъ лежавшій среди ихъ обезглавленный трупъ.

— Кто это, станичники?

— Та це-жь нашъ „батько“, какъ они называли своего есаула Баштаннаго, и одинъ изъ нихъ при этомъ прибавилъ, покачавъ грустно головой: — Вже не скажете спиваты: „ходимо, братци, за граньцю“. Это была его любимая пѣсня, которую онъ ихъ часто заставлялъ пѣть. Пошли мы дальше по спуску. Здѣсь по дорогѣ и по бокамъ ея валяются раздутые трупы убитыхъ турокъ, отъ которыхъ смрадъ преизрядный. А долина-то Розъ какая прелестная! Не даромъ ее называютъ „земнымъ раемъ“. Обрамленная со всѣхъ сторонъ громадными горами, она орошается по срединѣ рѣкой Тунджей, одною изъ лучшихъ рѣкъ Турціи. По долинѣ разбросаны группами вѣковые грецкіе орѣхи: розы культивируются цѣлыми десятинами. И на это мы смотримъ съ высоты птичьяго полета. Сама Шипка показала намъ очень хорошей деревней, но къ несчастью въ послѣдствіи, при вторичномъ взятіи, она была совершенно уничтожена турками. Не успѣли мы подложить сѣна лошадямъ, какъ уже приказано было сдѣлать всею сотней усиленный разъѣздъ по направленію къ городу Карлову, до первой деревни, гдѣ виднѣлись пожары, а оттуда велѣно прослѣдовать близъ Малыхъ Балканъ, выѣхать на Казанлыкское шоссе и возвратиться къ отряду. Тутъ грянула сильнѣйшая гроза, и стало такъ темно съ вечера, и пошелъ такой проливной дождь, что мы сбились съ дороги и возвратились очень поздно, промокнувъ до послѣдней нитки. На бивуакъ къ намъ прибыли съ горъ вмѣстѣ съ другими войсками и остальные двѣ сотни нашего полка съ командиромъ. Но здѣсь мы пробыли не долго: приказано было идти обратно за Балканы, въ Габ-

рово, оставивъ на перевалѣ часть пѣхоты съ саперами и полусотню казаковъ для разъѣздовъ и посылокъ. Осталась первая полусотня первой сотни. Признаться, скучно было возвращаться по пройденному уже пути; все хотѣлось бы впередъ и впередъ... Прийдя въ Габрово, мы услышали новость, что наши двѣ сотни, 3-я и 9-я, участвовали въ сраженіяхъ подъ Ловчей и Сельвией и что послѣдній городъ успѣли защитить отъ турокъ, отгѣснивъ непріятели къ Ловчѣ. Жаль только, что въ этихъ дѣлахъ, не считая потери рядовыхъ казаковъ, былъ убитъ хорунжій Гурбановъ, молодой еще человекъ и хорошій исполнительный офицеръ, и раненъ въ рукопашномъ бою ятаганомъ въ лѣвую часть лица съ разрубомъ щеки командиръ 6-й сотни есауль Аванасьевъ. Нашему полковому командиру Орлову хотѣлось поскорѣе увидѣть своихъ молодцовъ, но въ то же время и насъ не хотѣлось бросить; поэтому, узнавъ, что въ Сельвийскій отрядъ потребовалась кавалерія, онъ воспользовался удобнымъ случаемъ и попросился у генерала Радецкаго идти. Просьба его была исполнена. На утро мы выступили рано, оставивъ обозъ въ Габровѣ, и поэтому довольно рано еще успѣли придти въ Сельви, гдѣ сдѣлали маленькій приваль и затѣмъ двинулись дальше къ Ловчѣ. Здѣсь простояли съ пѣхотой и артиллеріей четыре дня и отступили опять въ Сельви, оставивъ часть войска слѣдить за непріателемъ у Ловчи. Въ Сельви же приказано было переѣхать изъ Габрова и всему нашему обозу.

Около 22-го числа іюля пріѣхалъ къ Ловчѣ генералъ Скобелевъ 2-й, которому приказано было сдѣлать усиленную рекогносцировку, въ коей я не участвовалъ, такъ какъ былъ посланъ, съ присланнымъ отъ Главнокомандующаго личнымъ адъютантомъ Его Высочества, полковникомъ Орловымъ, въ нѣкоторыя деревни, гдѣ, по донесеніямъ, будто бы рѣжутъ болгаръ, что однакоже оказалось вздоромъ. Послѣ рекогносцировки Ловчи 26-го числа, нашъ командиръ полковникъ Орловъ уѣхалъ въ главную квартиру съ подробнымъ донесеніемъ о результатѣ рекогносцировки, а мнѣ предписалъ завѣдывать полкомъ.

Жили мы спокойно въ Сельви, пока не пришла къ намъ

2-я пѣхотная дивизія, подъ командой свѣтлѣйшаго князя Имеретинскаго, присланнаго съ тѣмъ, чтобы сдѣлать рѣшительное наступленіе на Ловчу и взять ее, присоединивъ къ себѣ всѣ части, какія находятся въ Сельви. Поэтому въ составъ отряда князя Имеретинскаго попалъ и я съ полутора сотнями, еще остававшимися въ моемъ распоряженіи.

Съ 21-го подъ 22-е августа ночью двинулись мы по шоссе на Ловчу: пѣхота, артиллерія, обозы, все это сплошь запрудило собою дорогу, такъ что намъ, казакамъ, пришлось идти по близости, стороною. Подъѣзжая ближе къ Ловчѣ, у большаго фонтана мы услышали вдругъ звуки музыки. Оказалось, что это была встрѣча нашему отряду, устроенная Скобелевымъ 2-мъ, который уже выбилъ турокъ съ первыхъ высотъ, занявъ ихъ своими силами. Такъ какъ я составлялъ конвой свѣтлѣйшаго, то и подъѣхалъ къ ставкѣ Скобелева, который, хлѣбосоль какъ и всегда, уже приготавлилъ намъ закуску.

Написали диспозицію: на утро, въ 6 часовъ, начинать артиллерійскій огонь. На правый флангъ назначался генераль Добровольскій, на лѣвый—генераль Скобелевъ, а центръ свѣтлѣйшій оставлялъ подъ своею личною командой.

Въ 6 часовъ первая наша девяти-фунтовка возвѣстила начало боя, и вслѣдъ за этою первою гранатой начался жестокой огонь какъ съ нашей, такъ и съ турецкой стороны. Девяносто два нашихъ орудій по временамъ стрѣляли еще и залпами, отъ которыхъ земля содрогалась.

Въ часъ пополудни Скобелевъ двинулъ свои штурмовыя колонны на Рыжую-Гору, которая и была взята имъ; послѣ этого артиллерійскій огонь сталъ не столь жестокимъ, замѣняясь преимущественно огнемъ ружейнымъ, коего звуки производили на слухъ такое впечатлѣніе, какъ будто множество пустыхъ телѣгъ ѣдутъ по каменной мостовой бойкою рысью. Послано было приказаніе и генералу Добровольскому наступать, и въ то же время самъ князь Имеретинскій съѣхалъ съ батареи, гдѣ находился до этихъ поръ, и отправился на только что занятую Рыжую-Гору, приказавъ передвинуться впередъ и батареямъ, а Терскому эскадрону Собственнаго Его Величества конвоя дать порученіе заскакать съ лѣвой

стороны Ловчи. Нельзя было не полюбоваться на этих молодыхцев, когда, съ отклоненными назад корпусами, съ шашкой, крѣпко сжатою въ правой рукѣ, и съ заломленными на затылокъ папахами, на лихихъ лошадяхъ пронеслись они мимо насъ, довольные своимъ назначеніемъ, съ перспективной рукопашнаго дѣла. Кто-то изъ иностранныхъ военныхъ агентовъ сидѣлъ возлѣ князя Имеретинскаго и, не отрывая отъ глазъ бинокля, смотрѣлъ на Калужцевъ, переправлявшихся черезъ Черную-Осму положительно подъ градомъ пуль; это выраженіе отнюдь не фигуральное: я помню, когда, слѣдя за переправой Калужцевъ, мы взглядывали иногда на поверхность воды, то намъ казалось, будто идетъ сильный дождь, столь часто падали въ нее пули. Рота, которая шла первою, положительно запрудила тѣлами рѣку, такъ что вода начала бурлить, но все-таки Калужцы шли дальше и дальше, и вотъ черезъ полчаса донеслось до насъ ихъ побѣдное ура! При этомъ нашъ иностранецъ снялъ съ себя какого-то чуднаго покроя шапку и бросилъ ее о землю, въ сильномъ возбужденіи сказавъ по французски: что онъ никогда ничего подобнаго не видѣлъ, не слыхалъ и не читалъ, и что это только русскіе могутъ такъ настойчиво и хладнокровно идти въ атаку.

Въ шесть часовъ вечера было уже все кончено; тѣла, какъ русскія, такъ и турецкія, лежали горами. Калужскій полкъ понесъ большія потери, и несмотря на это, когда мнѣ пришлось встрѣтить часть его, смѣненную съ передовой позиціи, люди шли съ пѣнями, а впереди одинъ солдатикъ, повѣсивъ ружье за спину и заломивъ на бокъ кепи, вытанцовывалъ трепака въ присядку. Глядя на это, даже не вѣрилось какъ-то, что лишь нѣсколько минутъ тому назадъ эти самые люди обнимались со смертью.

Поѣхалъ князь посмотрѣть на мѣсто побоища, гдѣ казаки Кавказской бригады бросились въ атаку, на отступавшую турецкую пѣхоту, а Терскій эскадронъ Собственнаго Его Величества конвоемъ ударилъ отступающаго противника во флангъ. Тамъ лежало болѣе тысячи тѣлъ, поверженныхъ исключительно ударами шашекъ. Эти удары, по истинѣ, были

ужасны: или черепъ пополамъ, или голова совсѣмъ прочь снесена, или грудь съ плеча глубоко разсѣчена.

Весь отрядъ расположился здѣсь же бивуакомъ. Я поѣхалъ къ своимъ, гдѣ полковникъ Желтухинъ, прикомандированный къ нашему полку, уже спалъ подъ буркой. Прикорнулъ рядомъ и я; только чувствую, что вокругъ стоитъ смрадь невыносимый. Откуда это? Куда мы попали? Оказывается, что мы окружены мертвыми тѣлами; но усталость превозмогла все, и чрезъ нѣсколько минутъ мы заснули крѣпкимъ сномъ.

Утромъ поднялась тревога. Отрядъ турокъ, шедшій вчера изъ Плевны на помощь Ловчинскому гарнизону, не успѣлъ прибыть вовремя, и лишь теперь, соединясь съ отступившими, повелъ вдругъ противъ насъ наступленіе. Опять загудѣли орудія. Генераль Скобелевъ лично двинулъ впередъ свои колонны, въ которыя довольно мѣтко попадали непріятельскіе снаряды. Приходилось волей-неволей идти подъ горячимъ огнемъ, такъ какъ другаго, болѣе закрытаго пути не было. Одинъ снарядъ попалъ въ самую средину колонны, которая при этомъ лишь на одно мгновенье пріостановилась, заколыхалась и разступилась нѣсколько. Куча тѣлъ осталась на мѣстѣ, а колонна по командѣ: „сомкнись!“ всетаки сдвинула ряды и опять тронулась впередъ. Но вѣроятно турки, увидѣвъ, что трудно уже насъ выбить изъ занятой позиціи, сами прекратили бой. До вечера осталось еще много времени, а изъ полученнаго приказанія было видно, что мы только завтра утромъ выступимъ подъ Плевну; поэтому многіе отправились было купаться, но увы! не на радость... Помню я, съ какимъ отвращеніемъ люди, не успѣвъ окунуться, выскакивали изъ рѣки, наполненной мертвыми тѣлами. Раздутые мертвецы (турецкіе) одинъ за другимъ всплывали на поверхность воды и тихо уносились въ даль теченіемъ.

Утромъ 24-го августа отрядъ вытянулся по шоссе къ Плевнѣ, но не доходя десяти верстъ, свернули мы по проселку на деревню Боготъ, гдѣ застали Кавказскую бригаду; по прибытіи сюда нашего отряда, Кавказской бригадѣ велѣно было перейти на лѣвый флангъ позиціи и стать на Ловчинскомъ шоссе, по возможности наблюдая къ сторонѣ шоссе

Софійскаго. Князь Имеретинскій поѣхалъ осматривать занимаемую его отрядомъ позицію за Тученитскимъ оврагомъ. Всѣ батареи, которыя пришли съ нами, были выдвинуты впередъ для усиленія общей линіи артиллерійскаго огня, чтобы заставить непріятеля выказать свои силы, дѣйствующія собственно противъ насъ, т. е. противъ лѣваго фланга общей русской позиціи.

Проѣхавъ всю линію, князь остановился позади крайней нашей батареи, гдѣ мы слѣзли съ лошадей, чтобы дать немного отдохнуть и людямъ, и конямъ, такъ какъ съ ранняго утра не вставали съ сѣделъ.

— Клянусь безсмертіемъ души, меня не убьютъ!—говорилъ мой офицеръ, сотникъ Тихоновъ.

— Вотъ будетъ безсмертіе, какъ оторветъ руку или ногу, такъ по неволѣ умрешь,—замѣтилъ на это нашъ общій, хорошій пріятель, Сергѣй Васильевичъ Верещагинъ, братъ извѣстнаго художника, убитый 30-го числа, тутъ же подъ Плевной, на Зеленой-горѣ.

— Сотникъ Тихоновъ! — слышался голосъ отряднаго начальника штаба, полковника Паренсова. — Желаете ѣхать на рекогносцировку?

— Какъ прикажете, полковникъ.

— Ну, садитесь, поѣдемте.

Черезъ три часа полковникъ Паренсовъ возвратился уже на другой лошади, такъ какъ прежняя его была ранена, а изъ состоящаго при немъ конвоя тоже ранены два казака и три лошади. Но — глядимъ мы — гдѣ же нашъ Тихоновъ? Между конвоемъ нѣтъ его. Что это значить?.. Я спросилъ о немъ у Паренсова.

— А я его не примѣтилъ,—отвѣчалъ онъ мнѣ: — вѣроятно отсталъ гдѣ-нибудь на позиціи.

Но вотъ ужъ и вечеръ, а Тихонова все нѣтъ какъ нѣтъ. Пришлось нарочно послать казака розыскивать его. Уже поздно вечеромъ, когда въ моемъ шалашѣ сошлось много нашихъ офицеровъ и въ томъ числѣ Сергѣй Верещагинъ, возвратился, наконецъ, посланный. При его появленіи вдругъ оборвался и смолкъ нашъ оживленный разговоръ: всѣ ожидали, что-то скажетъ казакъ про Тихонова.

— Нашель, ваше высокоблагородіе! — докладываетъ мнѣ казакъ.

— Ну, что же? Гдѣ онъ?

— Раненъ осколкомъ гранаты въ поясицу, по спинному хребту.

— Вотъ тебѣ и безсмертіе, — отозвался первый Верещагинъ:—теперь нечего и говорить,—смерть; а жалко: славный и веселый малый.

Не знаю, съ какою цѣлью мы возвратились въ Боготъ, а на утро 28-го числа, переправясь черезъ ручей, который довольно долго задержалъ отрядъ, двинулись по долину и подошли къ Ловче-Плевненскому шоссе. Въ этотъ день генераль Скобелевъ съ передовыми войсками заставилъ непріятеля отступить къ своимъ редутамъ, окончивъ бой уже поздно вечеромъ. Здѣсь опять геройски дрался Калужскій полкъ. Мои сотни расположились около самой дороги. Напившись чаю изъ котелка, лежалъ я съ сотникомъ Поздѣвымъ, какъ вдругъ слышимъ приближающійся говоръ; глядимъ—фонари, толпа людей. Спрашиваемъ:

— Откуда, земляки, идете?

— Калужцы раненые,—было намъ отвѣтомъ.

У меня и сонъ пропалъ. Пойду, думаю, ближе къ палаткѣ свѣтлѣйшаго,—можетъ быть, что новое есть, да тамъ и найдется съ кѣмъ поговорить.

Но въ то время, какъ я подошелъ къ палаткѣ, князь вышелъ самъ и принялъ двухъ приблизившихся къ нему офицеровъ, которые отрапортовали, что присланы изъ главной квартиры въ его распоряженіе. Голосъ одного изъ нихъ показался мнѣ очень знакомымъ. Подошелъ ближе, прислушиваюсь, разсмотрѣть нельзя,—но на слухъ, кажется, не ошибаюсь. Подождалъ, пока они откланялись князю, и подхожу къ нимъ съ вопросомъ:

— Кажется, баронъ Меллеръ-Закомельскій?

— Да, Меллеръ, а вамъ что угодно?

— Да неужели, Саша, меня не узнаешь?—и тутъ ужъ я безъ церемоніи бросился обнимать своего стараго и хорошаго школьнаго товарища.—Вотъ при какой обстановкѣ пришлось встрѣтиться.

29-го числа съ утра начался сильный артиллерійскій бой, а въ 10 часовъ, оставивъ прикрытіе при батареяхъ, весь отрядъ двинулся на деревню Брестовець, т.-е. ближе къ Зеленой-Горѣ, съ которой и предполагалось начать штурмъ прикрываясь ближнею отъ непріятели возвышенностью, а иначе непріятельскія гранаты били бы насъ во флангъ. Но для того, чтобы пройти къ деревнѣ Брестовцу, все-таки нужно было подняться на возвышенность и потомъ спуститься въ оврагъ. Какъ только голова колонны показалась на вершинѣ этой возвышенности, съ Кришинскаго редута понеслись прямо на насъ снаряды, и проходить это пространство стало весьма жутко. Здѣсь была построена новая батарея, съ которой орудія сейчасъ же велѣно перевести ближе къ Зеленой Горѣ, такъ какъ послѣдняя къ этому времени очутилась уже въ нашихъ рукахъ, благодаря генералу Скобелеву, который по этому поводу лично пріѣхалъ съ докладомъ къ князю Имеретинскому. Генераль Добровольскій, присутствовавшій при этомъ докладѣ, послалъ за своею коляской, гдѣ, по его словамъ, было кое-что съѣдобное, что и оказалось теперь какъ нельзя болѣе кстати: мы не ѣли цѣлый день, и понятно, были крайне голодны.

— Какой вы, однако, запасливый! — сказалъ ему князь Имеретинскій: — даже и коляску для этого такъ близко отъ себя держите?

— Нѣтъ, князь, — съ грустною усмѣшкой отвѣтилъ Добровольскій: — не для одного этого, а больше на случай, когда меня ранятъ или убьютъ; по крайней мѣрѣ, не придется дожидаться лазаретныхъ фургоновъ: своя коляска скорѣе увезетъ мое тѣло съ поля сраженія!

И послѣ этихъ словъ на его лицѣ еще нѣсколько времени оставался отгѣнокъ грусти.

— Полноте, какія у васъ нехорошія думы, — успокоилъ было его князь, но бѣднякъ положительно предчувствовалъ недобрую судьбу свою: на другой день его въ первыхъ же рядахъ тяжело ранили, а четыре часа спустя, онъ уже скончался.

Послѣ небольшой закуски, князь Имеретинскій съ генераломъ Скобелевымъ поѣхали впередъ осмотрѣть позицію,

взявъ съ собою четырехъ казаковъ и меня. Казалось бы, подобный конвой слишкомъ малъ, чтобы привлечь на себя вниманіе непріятели; но на дѣлѣ вышло не то: удивительное чутье у этихъ турокъ! Словно имъ кто передавалъ, что это именно ѣдутъ начальники: чуть лишь показалась наша группа, состоящая всего изъ семи всадниковъ, какъ турки сейчасъ же открыли специально по насъ довольно горячей гранатный огонь и не прекращали его, пока мы не доѣхали до передовой позиціи. И все это опять - таки изъ Кришинскаго редута, — не даромъ его называли у насъ въ отрядѣ „проклятымъ“. Подѣхавъ къ батарее, Скобелевъ передвигался отъ орудія къ орудію, здороваясь съ прислугой и расспрашивая, попадаютъ ли наши снаряды. Солдаты, увидя своего любимаго генерала-товарища, отвѣчали ему бодро и даже весело. Оглянувшись и замѣтя меня, онъ сказалъ:

— А! и казакъ здѣсь! Ну что, Грековъ, хорошо?

— Не дурно, ваше превосходительство, — отвѣчаю ему, а самъ себѣ думаю: какъ ужъ не хорошо, коли гранаты такъ взрываютъ землю, что ни сосѣднихъ орудій, ни ихъ прислуги порой вовсе не видно, да еще весь этотъ милый спектакль съ аккомпаниментомъ осколковъ!..

Когда, осмотрѣвъ все, что требовалось, мы, наконецъ, поѣхали обратно, то, нечего грѣха таить, мнѣ вздохнулось такъ легко, какъ будто за все время пребыванія на батарее и не дышалъ.

На ночлегъ пріѣхали мы опять въ деревню Брестовець, и тутъ съ вечера пошелъ сильный дождь, а въ землянкахъ, какъ на зло, рѣшительно нѣтъ никакого помѣщенія, такъ что мнѣ, съ начальникомъ штаба, полковникомъ Паренсовымъ, пришлось расположиться на соломѣ, подъ хлябями небесными, прикрывшись кое-какъ спасительницами-бурками: и не промокнетъ, и согрѣетъ.

Утромъ рано двинулись къ Плевне-Славчинскому шоссе и оттуда прямо къ Зеленымъ Горамъ, гдѣ уже шелъ самый сильный артиллерійскій бой. Кавалеріи же нашего отряда, то-есть Кавказской бригадѣ полковника Тутолмина, Донской казачьей бригадѣ Курнакова и 1-й бригадѣ 4-й кавалерійской дивизіи (генераль - маіора Леонова) при Донской бата-

рефъ № (кажется) 19-го, приказано было пройти оврагомъ и завязать бой съ Кришинскимъ редутомъ, чтобы отвлечь отъ насъ непріятельскій огонь, не только не дававшій намъ положительно ни минуты покоя, но и наносившій намъ, при дальнѣйшемъ нашемъ движеніи впередъ, довольно существенный вредъ выстрѣлами во флангъ. Это было въ достопамятный день 30-го августа, который, навѣрно, никогда не забудутъ люди, уцѣлѣвшіе тогда отъ смерти. Тяжелый былъ день, а ненастная погода еще усиливала и безъ того мрачное впечатлѣніе... При штурмѣ генераломъ Скобелевымъ двухъ редутовъ, намъ довелось на нѣкоторое время попасть въ ужасную сутолоку, гдѣ перемѣшались между собой и конные, и пѣшіе, и артиллерійскіе ящики. Никогда не забуду этого ужаснаго, непрерывнаго свиста безчисленныхъ пуль; это уже былъ не звукъ какъ бы частаго дождя, а именно одинъ дикій, непрерывный свистъ. Да и Господи! сколько же ихъ тамъ было выпущено!.. Не забуду и этого шипѣнья, и рева гранатъ, поминутно лопавшихся то здѣсь, то тамъ; этихъ надорванныхъ, осиплыхъ отъ утомления и жажды голосовъ, кричавшихъ ура; командныхъ криковъ, заглушаемыхъ всѣми этими звуками и громомъ орудій, не разбирая что и какъ скачущихъ во весь духъ на позицію... но болѣе всего памяты мнѣ будутъ эти вереницы раненыхъ солдатъ и офицеровъ, ихъ сдержанные стоны, мучительно сжимающіе душу того, кто ихъ слышалъ. Говоришь, напримѣръ, съ человекомъ, на минуту отвернулся или отъѣхалъ въ сторону, глядь—онъ лежитъ ничкомъ, убитый, или поползъ назадъ, въ числѣ раненыхъ. А какіе бываютъ иногда раненые и контуженные. Помню, идетъ офицеръ, за нимъ деньщикъ тащится, и оба они, повидимому, совершенно цѣлы. Что онъ, раненъ развѣ?—спрашиваю у деньщика.

— Да вотъ, ваше высокоблагородіе, спрашиваю, не говорить.—По счастью, близко тутъ случился докторъ. Я попросилъ его посмотреть офицера. Докторъ подошелъ къ нему съ участливымъ вопросомъ, куда онъ раненъ, но въ отвѣтъ получилъ только взглядъ самый безсмысленный. Тогда, уже безъ дальнѣйшихъ разспросовъ, врачъ приказалъ посадить его въ лазаретную линейку, и обращаясь ко мнѣ, прибавилъ:

— Это контузія въ голову, и сильнѣйшая: не болѣе, какъ черезъ четыре часа—полное сумасшествіе на вѣки!

— Жаль, молодой человѣкъ!

Все это въ состояніи было не то, что разстроить, а просто, какъ говорится, надорвать самые здоровые нервы, и мнѣ порой тѣмъ удивительнѣе было глядѣть въ подобныя минуты на нашего начальника - князя. Это спокойное лицо, сдержанный видъ и отчетливость въ отдачѣ каждаго приказанія, въ сколь крутой моментъ оно ни отдавалось бы,— все это, долженъ сознаться, просто завидно! Но глядя на него, я чувствовалъ, какъ и самъ становился спокойнѣе, какъ на душѣ у меня будто все легче и легче. Таково-то въ инныя трудныя минуты испытаній жизни бываетъ безмолвное вліяніе нравственной силы одного человѣка на всѣхъ его окружающихъ.

Между тѣмъ Кришинскій редутъ, увлѣкшись нашею кавалеріей, весь огонь отъ насъ обратилъ на нее. Спасибо имъ, подумалось каждому. А фронтальный нашъ бой тѣмъ часомъ ничуть не уменьшается. Генераль Скобелевъ присылаетъ сказать, что онъ занялъ второй редутъ и умоляетъ прислать ему подкрѣпленіе, но у насъ въ резервѣ уже ничего не оставалось, кромѣ знаменныхъ взводовъ...

— Откуда раненыхъ несете, земляки? — спросилъ кто-то изъ офицеровъ.

— Какъ есть изъ-подъ самой Плевны, ваше благородіе,— отвѣтили санитары.

Оказалось, что Скобелевъ съ передовыми войсками, въ занятыхъ имъ редутахъ, находился всего лишь въ нѣсколькихъ десяткахъ сажень отъ городского предмѣстья.

Бой утихъ, когда уже совсѣмъ настали сумерки, но ружейная перестрѣлка все еще продолжалась. По временамъ и она было затихала, но вслѣдъ за каждыиъ такимъ затишьемъ, непремѣнно раздавались вдругъ то съ нашей, то съ непріятельской стороны частые залпы. Сейчасъ переполюхъ, конечно. Что такое? Въ чемъ дѣло? А дѣло совсѣмъ простое: не въ моготу измученные, усталые люди до того ужъ изнурились и нравственно, и физически, что многіе изъ нихъ доходили до бреда, до галлюцинацій: какому - нибудь часо-

вому въ передовой цѣпи почудится вдругъ, ни съ того, ни съ сего, что къ намъ турки тишкомъ подползаютъ; онъ даетъ выстрѣль, и отъ этого сигнала сію же минуту огонь дружно подхватывается и принимается всею цѣпью; турки, конечно, отвѣчаютъ, и такимъ образомъ, минутъ на десять, на двадцать, опять пошла горячая перестрѣлка, пока-то, наконецъ, не убѣдятся тѣ или эти, что они лишь даромъ тратятъ свои патроны. Тогда опять на краткій промежутокъ воцаряется полное затишье, до чьей-нибудь новой галлюцинаціи. А дождь, между тѣмъ, все идетъ да идетъ, и конца ему, кажется, никогда не будетъ — холодный, осенній дождь, уныніе наводящій...

Достали мы нѣсколько сноповъ, бросили ихъ въ грязь и помолились отъ всей души. Да, это была искренняя молитва благодаренія за то, что Господь сохранилъ насъ въ нынѣшній день; а что завтра—Его святая воля! Начальникъ всю ночь не спалъ, все писалъ и отправлялъ донесенія къ генералу Зотову и въ главную квартиру.

— Ваше высокоблагородіе, супъ готовъ,—отрапортовалъ мой казакъ,—а мы, надо замѣтить, вотъ уже три дня горячей пици не видѣли; поэтому вся наша маленькая офицерская казачья компанія дружно вскочила на ноги и пошла къ костру. На дворѣ стояла уже темная, непроглядная ночь. Садясь у костра, я вдругъ замѣтилъ, что тутъ же кто-то лежитъ и стонетъ.

— Кто такой?—спрашиваю.

— Солдатъ, ваше высокоблагородіе,—раненый.

Нагнувшись ниже, я разглядѣлъ, что это вольноопредѣляющійся, совсѣмъ еще юный... Можетъ быть, только одинъ у матери и есть... Э-эхъ!.. жаль мнѣ его стало, и приказалъ я фельдшеру сдѣлать ему перевязку; оказалось, что раненъ въ ступню, но обойдется, вѣроятно, безъ ампутаціи. Мы его утѣшили, что ногу ему не отрѣжутъ, и я распорядился сейчасъ же призвать санитаровъ, чтобы отнести юношу на первый перевязочный пунктъ.

— Ваше высокоблагородіе,—стонетъ онъ ко мнѣ,—ужъ если вы столь милостивы, то позвольте лучше мнѣ до утра здѣсь остаться, здѣсь такъ хорошо.

Понятно, согрѣлся бѣдняга у костра, а послѣ перевязки и боль утихать стала.

На утро, 31-го августа, поднялась сильная тревога: турки перешли въ наступленіе, и завязался такой отчаянно-упорный бой, о какомъ доселѣ мы еще и понятія не имѣли. Наша горсть храбрецовъ не хотѣла отдать тѣ мѣста, на которыхъ еще вчера лилась кровь ихъ столь же храбрыхъ товарищей. Но, увы! непріятель былъ въ двадцать разъ сильнѣе... Османъ-паша собралъ теперь противъ Скобелева все, что было возможно, оставивъ на всѣхъ остальныхъ фронтахъ своего оборонительнаго лагеря лишь ничтожныя по численности команды, необходимыя тамъ, какъ маска, дабы не совсѣмъ уже нагло въ глазахъ противника оголить свои обширные окопы. Вся остальная турецкая сила пять разъ обрушивалась на Скобелева, умолявшаго о подкрѣпленіи, въ которомъ ему по необходимости было отказано. Наша плевненская армія была уже ослаблена вчерашнимъ неудачнымъ штурмомъ, многіе баталіоны очутились менѣе, чѣмъ въ четырехсотенномъ составѣ; при томъ же на Гривицкомъ и Радишевскомъ фронтахъ ежеминутно ожидали весьма возможной вылазки Османа; все это заставляло главноначальствующаго русско-румынскимъ отрядомъ быть осторожнѣе и не вдаваться на сей день ни въ какое рискованное предпріятіе. Поэтому и Скобелеву поневолѣ было отказано въ подкрѣпленіи и... судьба „третьей Плевны“ такимъ образомъ окончательно была порѣшена въ пользу Османа.

По окончаніи боя на Зеленыхъ Горахъ, къ князю Имеретинскому пріѣхалъ Скобелевъ и, безмолвно обнявъ князя, вдругъ заплакалъ горькими, ѣдкими слезами... Понятныя слезы: человекъ жилъ великою вѣрой въ несомнѣнный успѣхъ, обдуманно велъ къ нему все дѣло, успѣлъ, что называется, схватить быка за рога, овладѣлъ этимъ желаннымъ успѣхомъ, держался съ нимъ цѣлыя сутки,—и какія сутки!—выдержавъ столько ужасныхъ натисковъ цѣлой арміи Османа, и жилъ все это время лишь одними нервами и нервами, натянутыми какъ струны до послѣдней возможности,—надо же было этому состоянію нервовъ чѣмъ-нибудь, наконецъ, разрѣшиться,—или смѣхомъ, или слезами...

Принесли стрѣлки своего генерала Добровольскаго; были живъ еще, но скоро умеръ; молодой еще былъ генераль, Сергѣя Верещагина, говорятъ, убили; а спустя часа два послѣ этого извѣстія его братъ Василій пріѣхалъ изъ главной квартиры и привезъ ему знакъ отличія военнаго ордена.

— Господи, неужели же правда!? Говорятъ, приказано отступать, потому что турки сильно напираютъ. Въ первый разъ въ жизни видѣлъ я отступление и то, что при этомъ бываетъ... Всѣ части перемѣшались между собой, вышла каша какая-то. Спасибо еще хладнокровію князя, который велѣлъ принять самыя строгія мѣры, чтобъ установить порядокъ, а самъ до тѣхъ поръ не съѣхалъ съ позиціи, пока не пропустилъ всѣ войска; остались арріергардъ и цѣпь, которую замыкалъ собою Скобелевъ, слѣзши со своей бѣлой лошади. Невыразимо грустно и просто больно до слезъ было оставлять тѣ мѣста, гдѣ мы хотя и не долго пробыли, но за то столь много и много пережили...

Отступили мы на первыя свои позиціи по обѣимъ сторонамъ Ловче-Плевненскаго шоссе.

31-го числа, ночью, пріѣхалъ изъ главной квартиры казакъ и привезъ князю Имеретинскому приглашеніе пріѣхать 1-го сентября, къ 10-ти часамъ утра, на большую осадную батарею, гдѣ имѣеть быть военный совѣтъ, въ присутствіи Его Высочества Главнокомандующаго. Князь опять взялъ съ собою меня и десять человекъ казаковъ. Ѣхать пришлось по Радишевскому фронту, вдоль линіи, занятой нашею арміей, и эта линія сплошь была изрыта непріятельскими гранатами..

На батареѣ застали мы пока только нѣсколькихъ генераловъ и въ томъ числѣ генераль-лейтенанта Зотова, но нѣсколько минутъ спустя пріѣхалъ князь Румынскій въ коляскѣ, запряженной четверткою коней съ уносами и съ какимъ-то звономъ подъ шеями дышловыхъ; этотъ оригинальный звонъ можно сравнить со звукомъ, когда бьешь по разбитому чугунному котлу.

Но вотъ показалась коляска съ четверкой вороныхъ великолѣпныхъ лошадей. Великій Князь остановился въ полуверстѣ, пересѣлъ на своего любимаго и вѣрнаго слугу „Ры-

жаго“ и поѣхалъ шагомъ на батарею. Со всѣми онъ былъ очень любезенъ, князю Имеретинскому подаль руку и поздравилъ съ Георгіемъ 4-й степени за взятіе Ловчи. На батареѣ всѣ слѣзли съ лошадей, и Главнокомандующій пошелъ смотрѣть въ подзорную трубу на Плевну. Возвращаясь оттуда къ столу, на которомъ были разложены карты, и увидѣвъ меня, Его Высочество спросилъ:

— Ты старшій штабъ-офицеръ въ полку?

— Никакъ нѣтъ, Ваше Императорское Высочество,—полковникъ Иловайскій.

Но кто-то стоявшій сзади меня замѣтилъ, что Иловайскій уже переведенъ въ полкъ № 31; я же, признаться, со всѣмъ не понималъ пока въ чемъ дѣло и ради чего освѣдомляются объ Иловайскомъ,—стою себѣ молча.

— Въ такомъ случаѣ примешь 30-й полкъ ты,—сказалъ Великій Князь, обращаясь ко мнѣ,—и надѣюсь, что поддержишь въ немъ то хорошее направленіе, которое дано твоимъ предшественникомъ, Давидомъ Орловымъ. Давидъ, съ назначеніемъ флигель-адъютантомъ, отчисленъ въ свиту,—прибавилъ Главнокомандующій и подаль мнѣ руку.

Отъ такого пріятнаго и неожиданнаго сюрприза я окончательно растерялся. Начались поздравленія. Между тѣмъ Главнокомандующій со старшими начальниками подошли къ столу и открыли совѣщаніе, которое продолжалось добрыхъ часа три, и затѣмъ Великій Князь угостилъ насъ завтракомъ. Послѣ закуски онъ поѣхалъ самъ на позиціи къ Тученицкому оврагу, а мы съ княземъ Имеретинскимъ отправились къ своему отряду.

2-го сентября нѣкоторыя части изъ нашего отряда отправлены были обратно въ Боготъ, куда переѣхалъ и князь Имеретинскій со штабомъ.

Боготъ за эти три дня, что мы въ немъ не были, значительно измѣнился: куда ни помотришь, повсюду госпитальныя палатки; по дорогѣ длинною вереницею тянутся транспорты раненыхъ, отправляющихся въ тылъ арміи; другіе транспорты только еще нагружаются страдальцами, въ ожиданіи отправки; на кладбищѣ новые ряды свѣжихъ могилъ... Вообще картина непривлекательная.

3-го сентября я получилъ отъ нашего полкового казначея изъ Горнаго Студня записку, гдѣ онъ меня извѣщалъ, что походный атаманъ, генераль-лейтенантъ Өоминъ, приказалъ мнѣ сейчасъ же пріѣхать въ Горный Студень, чтобы принять полковой денежный ящикъ и затѣмъ отправляться къ полку въ городъ Сельви.

Приемка продолжалась не долго, а потому и я вскорѣ отправился къ мѣсту назначенія съ нашимъ полковымъ обозомъ, по недоразумѣнію попавшимъ въ Студень, и съ командой слабосильныхъ казаковъ. Сельвинскій бивуакъ своего полка засталъ я уже на другомъ мѣстѣ, около водяной мельницы, такъ какъ прежнее низменное мѣсто было чрезвычайно сыро.

Узнавъ отъ начальника Сельвинскаго отряда, что намъ придется здѣсь простоять довольно долго, я приказалъ копать землянки для наличныхъ нижнихъ чиновъ, а также для себя и канцеляріи. При полковомъ штабѣ находилась одна лишь 5-я сотня; остальные же части полка были расположены въ слѣдующихъ пунктахъ: 6-я сотня—въ деревнѣ Баташовѣ, высылая разъѣзды къ Габрову, на гору Мара-Гайдукъ и къ Новоселову; 1-я и 2-я сотня въ Траянскомъ монастырѣ, имѣя постъ въ Новоселовѣ и посылая разъѣзды къ Новоселову, на Балканы и къ городу Траяну; 3-я и 4-я сотни—въ городѣ Траянѣ, посылая разъѣзды къ монастырю, на Траяновъ переваль и по шоссе къ Ловчѣ. Такимъ образомъ линія отъ Габрова до Траянова перевала охранялась моимъ полкомъ, причемъ намъ было строго приказано не пропускать никого ни за Балканы, ни изъ-за Балканъ, и чуть что замѣтимъ на горахъ—тотчасъ же давать знать одновременно въ три пункта: въ Ловчу, Сельви и Габрово. 6-й сотни войсковому старшинѣ Аванасьеву приказано было произвести рекогносцировку перевала черезъ гору Мара-Гайдукъ, высшую точку Балканскаго хребта, и узнать, насколько переваль этотъ можетъ быть проходимъ. Въ первый разъ порученіе это не удалось Аванасьеву, по случаю сильной метели на горныхъ высяхъ. Здѣсь всегда бываетъ такъ, что если въ долинахъ ясная, свѣтлая погода, то на горахъ метель, и наоборотъ. Вторично Аванасьевъ пошелъ съ ротой

Старо-Ингерманландскаго полка, штабсъ-капитана Яковлева, и на этотъ разъ имъ удалось овладѣть непріятельскимъ редутомъ на Мара-Гайдукѣ, причеиъ въ наши руки досталось много патроновъ и разныхъ запасовъ.

Скучную жизнь проводили мы въ нашихъ землянкахъ, гдѣ и сырость, и духота, и темнота, да вдобавокъ и мыши еще завелись. Вотъ уже и снѣгъ выпалъ, и даже очень порядочный, а говорили, что въ Болгаріи зимы не бываетъ. Выйдешь, бывало, при восходѣ и любуешься на вершины Балканъ, гдѣ снѣга блестятъ какъ брилліанты и переливаются цвѣтами опала,—только и развлеченія нашего было!... Впрочемъ, однажды тишина и спокойствіе нашей стоянки были нарушены. Случилось это такъ: стоялъ не вдалекѣ отъ насъ запасный артиллерійскій паркъ, который приказано было перевести, кажется, въ Габрово. Изготовился паркъ къ выступленію только вечеромъ, когда уже совсѣмъ стемнѣло. Ящики и повозки стояли уже запряженными, и лошади, недавно пришедшія изъ Россіи, были пока еще очень сыты. Чего онѣ вдругъ испугались—не знаю, но только всѣ двадцать четверокъ, безъ ѣздовыхъ и возчиковъ, понеслисъ съ мѣста въ разныя стороны.

Раздались крики „тпру! тпру!“ а кому то почудилось „турки!“ и это послѣднее слово было подхвачено въ разныхъ мѣстахъ разными голосами. Вообразилось, что весь этотъ переполохъ надѣлалъ внезапно появившійся непріятель. Нѣсколько четверокъ бѣшено неслисъ прямо на нашъ бивуакъ, но, къ счастью, казаки успѣли ихъ перенять и не допустили до бивуака, гдѣ кони могли бы и передавить, и перекалѣчить людей, и перековеркать множество вещей и вообще натворить не мало вреда.

Между тѣмъ, дежурная часть моего полка въ десять минутъ была уже готова и я самъ повелъ ее рысью ближе къ Балканамъ. Пройдя пять верстъ, я остановился, чтобы прислушаться, гдѣ же, наконецъ, непріятель, такъ какъ видѣтъ въ потьмахъ не было никакой возможности. Но кругомъ все тихо. Дошли мы до нашего поста, спрашиваю, постовые увѣряютъ, что все благополучно, ничего-де такого не замѣчали, а шумъ какой-то точно слышали, только не впереди, а въ

тылу, на бивуакахъ. Тутъ ужъ окончательно выяснилось, что тревога была фальшивая. Но, къ несчастію, въ ея сумятицѣ поплатились жизнью шесть человѣкъ солдатъ, раздавленныхъ кто во снѣ, кто по оплошности, въ потемкахъ, подъ колесами несущихся фургоновъ, нагруженныхъ снарядами. Впослѣдствіи случилась и еще одна тревога, подъ Еленой, о которой сообщилъ намъ мимоѣздомъ какой-то казакъ, проскакавшій съ донесеніемъ.

20 декабря была у насъ получена телеграмма изъ Ловчи, отъ генералъ-лейтенанта Карцова, которому мы подчинялись какъ начальнику Сельви-Ловчинскаго отряда. Телеграммой этой предписывалось мнѣ собрать полкъ 22-го числа въ городѣ Траянь; обозы, денежные ящики, лазаретныя линейки и всѣ тяжести оставить въ Сельви; людямъ имѣть шестидневный запасъ сухарей. Равнымъ образомъ и графу Татищеву со ввѣреннымъ ему полкомъ (Старо-Ингерманландскимъ пѣхотнымъ) велѣно выступить тоже въ Траянь; но зачѣмъ, съ какою цѣлью—о томъ ничего намъ не было извѣстно. Полусотню я оставилъ при полковомъ штабѣ, а остальныхъ казаковъ взялъ съ собою. Поздно вечеромъ 22-го числа прибыли мы въ Траянь, и здѣсь узналъ я, что двѣ сотни моего полка, по приказанію отряднаго начальника, уже двинулись на Княжевицкія кулибы, ближе къ Траянову перевалу. Такъ вотъ, значить, зачѣмъ насъ сюда собирали! Приходится переходить Балканы черезъ Траяновъ-Черепъ, гдѣ горный кряжъ достигаетъ наибольшей своей высоты и крутости (6,600 фут.). Но какъ-то мы будемъ лѣзть на такую кручу, да еще по такому глубокому снѣгу! По правдѣ говоря, было надъ чѣмъ призадуматься, тѣмъ болѣе, что, какъ слышно было изъ разговоровъ свѣдущихъ людей, Траяновъ-Черепъ искони почитался недоступнымъ для военныхъ цѣлей и движеній. Предстояло, значить, разрѣшить задачу, доселѣ считавшуюся неразрѣшимую. Что-жь, никто, какъ Богъ! Его святая воля!

Хотя было уже поздно, но я приказалъ тотчасъ же вязать каждому казаку „китки“, забирая въ нихъ какъ можно больше сѣна, и вязать ихъ въ торока къ сѣдламъ, такъ какъ